

DAHULA
SKUT

NEURO

SOUL

Данила Скит
NeuroSoul. Том 1
Серия «Легенды хрустального
безумия», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71983849

SelfPub; 2025

Аннотация

Квинтэссенция лютейшего киберпанка.

Социалистический Марс пал. Ограничения на киборгизацию и роботизацию отменены. К власти пришла корпорация «Голем», которую возглавляет гениальный, но очень старый Эльтас Даррел. Поговаривают, что он выжил из ума.

– Дроиды лучше нас, – говорит Эльтар, а, значит, так должен думать весь Марс. – Они идеальны.

С ним не согласен лидер сопротивления, у которого уж точно не все в порядке с головой. Если старик всего лишь выжил из ума, то сопротивление вместо того, чтобы сопротивляться, предлагает сыграть в игру...

***

Книга читается отдельно, без привязки к циклу.

Диалогия.

Примечание: на Марсе и на Земле различный отсчет времени. Год на Марсе, считай, два земных. Поэтому герои, выросшие на

Марсе, будут исчислять время Марсианскими мерками, а герои, прибывшие с Земли – земными.

Содержание

Глава 1. Вещие сны	5
Глава 2. Одиночество	24
Глава 3. Неожданность	37
Глава 4. Взлом	56
Глава 5. Собрание	72
Глава 6. Поражение	91
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Данила Скит

NeuroSoul. Том 1

*«Позвольте моему сердцу выпорхнуть из груди,
я разрушу этот мир и построю вновь».*
Сумасшедшая Нэн

Глава 1. Вещие сны

Дрянной был день, как ни крути.

– Прекрасный день, не находите? – доктор вежливо покачал головой, расплывшись в отеческой улыбке.

– Да, конечно, док, – Дэвид не был особым любителем спорить.

Это все Полет Миражей. Он разрывает небо и заставляет видеть сны. Оставалось только распахнуть глаза и взглянуть в напичканное красками небо, чтобы сны прошли насквозь, сделав зрачки стеклянными.

В тот день его настигла пятибалльная смерть, хотя синоптики обещали, что Полет Миражей не минует отметки в три единицы. Всего две цифры – один, и ещё один, если сложить, будет не больше двух, но этого хватило, чтобы убить его половину. Лучшую его половину, говорил себе Дэвид, правую. Как и большинство людей, он был правой, и рабочая рука

ему была дорога. Он держал ей ложку, расчесывался и умывался, заряжал оружие и бил дубинкой, и по утрам вставал тоже с правой ноги, потому что не любил с левой. Теперь ему приходилось стаскивать ее с кровати, дубовую и непослушную до тех пор, пока он не выпьет лекарство. Хватило каких-то двух баллов, чтобы заболеть, а ведь он даже не дождался пяти. Рука его тряслась, заставляя промахиваться по движущийся цели с тех пор, как он попал под неуправляемую стихию.

С этого времени Дэвид решил синоптикам больше не верить. Это следовало сделать ещё когда он стоял на одном колене, протягивая кольцо Бетани в садах Гируза, и их накрыла песчаная буря. Тогда-то она его и бросила. С тех пор минуло около года и после этого он еще видел ее пару раз в борделе, но проходило время, а прогнозы точнее не становились. Не доверяя им, он, быть может, держался бы поближе к валунам, чтобы спрятаться за них, когда дюжина самоубийц вперивалась взглядами в небо. Тогда сны не вошли бы в его глаза и не умертвили его нервы.

В конце концов, это они хотели умереть, а не он. Сборище отчаянных разверзли глубокие глотки, будто хотели проглотить звезды, хотя от них не требовалось ничего, кроме распахнутых глаз. Небо потемнело, а потом посветлело, став похожим на сплошное полотно из полыхнувших сверхновых. Тогда Полет Миражей сам превратился в огромную зияющую глотку, наполненную звёздами, и проглатывал всех, кто

явился к нему. Полыхающий зев выжигал глаза и забирал разум.

Они пришли туда с разных уголков Марса, чтобы превратиться в недвижимые рыжие камни, усеивающие пыльную долину. Это был их выбор. «Они потеряли свои души», – иногда думал Дэвид, хотя не знал, что такое душа. Ему нравилось думать, что она существует, представляясь теплой зефирной дымкой, плавающей в горячем какао. Какао Дэвид тоже любил, но не больше, чем свою правую ногу или руку.

Лучше бы оставить их в покое, как они и хотели. Но городской департамент решил по-другому. Отряд быстрого реагирования был послан спасти самоубийц. Рядом с Дэвидом шли его сослуживцы, но не повезло больше всего ему одному. Отступая в укрытие, он запнулся о камень и полетел вниз. Зрительные элементы, закрывающие его глаза, треснули уже на двух баллах. Часть снов просочилась сквозь трещины, словно ледяное перламутровое молоко, и Дэвид почувствовал, как у него холодеют глазницы. Даже когда он отвернулся от неба, сны преследовали его. Они зацепились за разум и не хотели отпускать. Полет Миражей начал жечь через череп, проламывая грезами кость. К тому моменту, как Дэвид заполз за большой валун неподалеку, он уже не чувствовал части губы и нижней трети правой ноги.

– Это случилось пару месяцев назад, – Дэвид сокрушенно опустил голову. – Кое-кто сказал, что еще пара месяцев, и моя рука повиснет как плетка.

– И кто же вам такое сказал? – с интересом спросил доктор.

– Ну... кое-кто. Кто знает в этом толк.

– Не стоит верить всем, кто считает себя в чем-то экспертом.

– Даже если его сестра побывала под Полетом?

– Даже.

– Он говорит, что и с моим мозгом будут неполадки. Что будет с моим мозгом, док?

Доктор поджал губы. Значит, все-таки правда. Эти врачи говорят никого не слушать, а сами повторяют за слухами. Или вообще молчат.

Если честно, Дэвид не хотел знать ответ. Скорее всего, он лишится возможности думать. Поэтому думать сейчас для Дэвида было особенно приятно, хотя он не очень любил этим заниматься. Мысли в его голове всегда шевелились неохотно. В его личном деле говорилось, что это было обусловлено его генетическим штампом. Когда Дэвид был еще в утробе матери, он уже задумывался как генсолдат, и многие считали, что им не требовались мозги.

«Ни слушай никого. Ты рожден, а, значит, в тебе есть смысл», – ворковала мама, целуя его в белесую макушку. А остальное не важно, говорила она. Когда он поступил на службу в марсианскую гвардию, она сказала, что он быстр и эффективен, а быстрые и эффективные глупыми не бывают, и он ей поверил. Он всегда верил ей, до самой ее смерти.

Мутные капли дождя медленно стекали по стеклу, притягиваясь друг к другу, сливаясь воедино и тяжелея. Став крупными, они ускорялись и падали вниз, оставляя после себя мокрые борозды. На их место приходили другие капли, жирные и пузатые, влага поспешно бежала по проторенному пути, будто на финише ее ждала какая-то награда. За окном снова занялся ливень, делая мрачной и без того унылую, вечно утопающую в ночи Арсию. Еще пара дней и дожди сменятся на колкий град. Надвигались холода.

Еще до недавних пор Дэвида расстраивала хмурость вечно сонного мегаполиса, но в последнее время он ее полюбил. Лучше всегда пасмурное небо, которое не обращает на тебя никакого внимания, чем ядовитая вспышка, полная прекрасных грез и огней, но требующая за свою яркость твою жизнь.

– Все плохо, док? Я скоро перестану мыслить?

Дэвид не знал, почему выразился именно так. Кто-то однажды сказал ему, что человек существует, пока мыслит, поэтому он решил, что если перестанет мыслить, то умрет. Но слово «умереть» произносить было страшно, наверное, поэтому он и не спросил напрямую.

В кабинете доктора он бывал уже пару раз, и каждый раз спокойный и вежливый Вертиго Хелги спокойно и вежливо качал головой, тыкая в него острыми иголками, с других концов которых торчали датчики. Дэвид рад бы почувствовать боль в руке, но не мог. Сталь протыкала кожу, застав-

ляя трястись пальцы, но ничего, кроме легкой щекотки он не ощущал.

– Нет, что вы, конечно же нет... У вас еще есть несколько месяцев. И вовсе не два, как обещали вам ваши знакомые. Думаю, около четырех, или немного больше, – Вертиго Хелги подкрутил что-то на грузном высоком приборе, стоящем около смотрового кресла, на котором лежал Дэвид. Когда пропищало два быстрых сигнала, доктор сморщился и снова вежливо покачал головой. Потом повынимал все иголки из его правой руки, бросив их в стальную емкость на столешнице. – Но вынужден вас расстроить – парализация распространяется. Пока что не так быстро... со временем темпы будут нарастать. Смотрите, вы уже не реагируете на стимуляцию.

– Это серьезно?

Задрав голову вверх, Вертиго посмотрел на Дэвида снисходительно. Он уже привык, что высокие и сильные генсолдаты в большинстве своем имеют фиксированный интеллект. У данного генмоды он был не слишком высок, но и не низок, однако, Полет Миражей мог внести свои коррективы.

– Ваша нервная проводимость снижается с каждым днем. Лекарства контролируют начало процесса деградации, но скоро они перестанут тормозить процесс, и тогда пойдет отмирание нейронов, – доктор жестом руки позволил Дэвиду встать. – В вашей анкете указан врожденный G-87-балльный интеллектуальный ресурс. Спрашивайте, если что-то будет

непонятно.

– Но я очень хорошо выполняю свою работу, док, – Дэвиду было неприятно, когда ему напоминали о цифрах в его анкете, особенно доктора – те, кто имел на это полное право. – У меня сносная реакция, не такая, как была, конечно... просто я не чувствую боли, вот и все.

Бывало, что в истеричной толпе кто-то выкрикивал неприятные слова, поминая его интеллектуальные цифры, и он ударял по нему пару раз дубинкой, чтобы спросить сразу, не изменилось ли у того мнение. Дэвид не любил спорить, потому что не был силен в аргументах. Но боль действовала на людей как-то иначе, чем разговоры, поэтому он часто слышал в ответ именно то, что хотел. У доктора на столе лежала история его болезни и возможное направление на операцию, и Дэвид решил проявить терпение.

– Полет Миражей действует не так, как... – Вертиго задумался, следует ли ему вдаваться в подробности, – ...как остальные факторы. Механизм еще полностью не изучен, мы лишь наблюдаем видимый процесс. Констатация фактов. Вы можете до последнего сохранять реакцию и мышечную силу, но настанет момент, когда пойдет массовое отмирание нейронов. Раз – и все. Необратимо, и за одно мгновение. В моей практике случалось подобное. Не стоит надеяться на чудо.

– Достойная медицина в каждый дом – лучшее чудо для гражданина, – процитировал Дэвид привычные надписи на городских плакатах, висевших у входа в каждую казенную

клинику. Так он ощущал спокойствие, когда повторял эти слова.

— Рад, что кто-то еще вдохновляется этими лозунгами, — поддев сухими пальцами полы бирюзового халата, доктор устроился за рабочим столом. — Власть к корпорациям перешла довольно бескровно, какая революция может этим похвастаться? Плакаты... они везде. Оставить ошметки социализма на стенах было не самым плохим решением. Хотя бы этому стоит порадоваться.

Прошло не так много времени, каких-то десять лет, как прошлый строй пал. Вертиго, будучи пожилым и не лишенным здоровой памяти, любил свою молодость. И что бы там не происходило, по прошлому он скучал. Поэтому, когда правительство Союза Социалистических Марсианских Республик отдало бразды правления госкорпорации «Голем», он спрятал свой любимый плакат о годовой выработке пшеницы в стену за комодом. Вертиго планировал доставать его на досуге и ностальгировать одинокими капиталистическими вечерами под бокальчик крепкого «Линьо». Новая власть уничтожит любое упоминание о старой, так он думал. К нему обязательно придут, и он проведет остаток жизни в тюрьме. Он не знал, за что, просто боялся. Может быть, за плакат? Вертиго пугливо оглядывался и думал, что думает не как все. Как оказалось, все думают так же, как он. Включая и саму госкорпорацию «Голем». Она впускала все новое понемногу. Прошлые времена отпускались плавно, уступая напору

передовых технологий. Вот только минуло несколько лет, а плакаты на стенах никуда не делись. Порой ему казалось, что их даже прибавилось.

– Мне кажется, всем нравится, когда их поддерживают. Мне нравятся плакаты про медицину, – почесал затылок Дэвид. – Наше правительство нас бережет.

– Вряд ли оно это делает. Посмотрите на эту памятку. Здесь возможные варианты операций, которые доступны по вашей страховке. Они отмечены зеленым.

Дэвид развернул в воздухе яркую голограмму, удрученно пройдясь по ней взглядом. Зеленых отметок было не так много, все три штуки, и на мгновение он даже обрадовался, что не нужно много запоминать.

Нановолоконные мышцы, которые можно было приблизить или удалить на экране, структурные чипы и новые стальные конечности, светящиеся прозрачные мозги, сквозь которые он видел добрые серые глаза доктора – все это пугало его. Дэвиду было страшно представить, что нечто проткнет его кожу и сцепится с костями настолько, что он перестанет чувствовать это чужим. Ему нравилось думать, что у него все свое, рожденное. Мама говорила, что только рожденное имеет смысл. Дэвид скучал по маме и хотел, чтобы все осталось так, как было с самого начала, когда он качался на ее нежных руках и пробовал сладкое молоко из теплой мягкой груди.

Всего лишь три отметки... слишком мало вариантов. Это

означало, что «физиологичность, приближенная к человеку» будет минимальной. Об этом говорилось мелкими буквами в конце списка. Нужно в первую очередь читать мелкий шрифт – Дэвид понял это давно, когда его обманули с кредитом на жилье. Крохотные букочки означали, что ему по карману только сталь, микрочипы и частично органическое нановолокно.

– Ваша государственная страховка покрывает только тридцать процентов необходимой суммы. Есть вариант частичного склерозирования нейроволокна с последующей заменой на нановолокно, есть некоторые пути замены пораженных участков на полную механику, возможно еще...

– Все это очень сложно для меня, док, – это был тот случай, когда нужно было сказать правду. – Вы просто перечисляете, насколько сильно я стану киборгом...

– Но без операции не обойтись. Вы будете вынуждены сделать ее, иначе умрете.

Вот, он и сказал это. Дэвид считал, что доктора не должны произносить такие слова. Они должны знать тысячи похожих, но никогда не говорить напрямую.

Впервые посетив этот кабинет, он преисполнился уверенностью. Его всегда успокаивали грамоты, вывешенные за спиной именитых врачей, диагностические приборы, пахнущие дезинфекцией, глянцевые стены и чистые халаты докторов на фоне спокойных лиц, всегда знающих, что делать. Иногда спокойные лица больше не говорили похожие

слова, обходя слово «смерть». Тогда все становилось серьезно. Уверенность улетучивалась.

– У меня есть еще время. Четыре месяца – это много, – упавшим голосом сказал Дэвид.

– Иногда вам будет больно.

– Ничего, я потерплю, – ответил мужчина. – Нас учили терпеть разную боль.

– А если будет очень больно?

– Я буду терпеть сильнее.

Посмотрев Дэвиду в глаза, Вертиго закрыл рот, хотя уже собирался что-то сказать. Если на то пошло, он выпишет ему обезболивающие и стимуляторы, раз он так желает этого, оттягивая неизбежное. Бесполезная боль, и приводит всегда к одному. Он сдастся, они все сдавались.

– Я найду способы, как заработать на органическую замену ткани, – почти с уверенностью проговорил Дэвид.

– Полную органику, увы, я не могу вам обещать, даже если вы наберете полную сумму.

– Почему же?

– С недавних пор такие операции запрещены. Остались только кибернетические заменители.

– Почему?

Вертиго развел руками.

– Технологии движутся вперед. Некоторые методы считаются устаревшими.

– Вы тоже так считаете?

– Полная органика оставляет человека человеком. Как можно считать обычного человека устаревшим? – пожал плечами Вертиго. – Но я вынужден буду оповестить корпорацию о вашей кибергофобии.

Дэвиду стало неуютно. Твердые выступы анатомического стула натирали ему копчик, но заметил он это только сейчас. Ему показалось, что такой доктор как Вертиго, с добрым голосом и спокойными глазами не может проболтаться о том, что сказано по секрету.

– Вы же врач... это нехорошо, – Дэвид кашлянул в большой кулак. – Можно как-то избежать этого?

– Я врач до тех пор, пока у них моя лицензия, – сказал Вертиго, отключив голограммы с яркими картинками. – У нас осталось еще несколько минут. В вашей карте говорится, что вы видите сны. Расскажите мне о них.

Дэвид посмотрел на Вертиго с недоверием.

– Не волнуйтесь, все что вы сейчас скажете останется врачебной тайной, – уверил доктор. – Корпорация трепетно относится ко всему, что может вызвать недоверие к их продукции, и учитывает тех, кто боится киборгизации... но до чужих снов ей дела нет.

– Иногда сны короткие, иногда длинные, – помедлив немного, неуверенно проговорил Дэвид. – Но все они темные и в них много дыма. Я не люблю дым.

– Когда начались эти сны?

– Совсем недавно.

В своих темных снах Дэвид каждый раз задышался. Иной раз ему чудилось, что пахнет горелой смолой, иногда – подпаленной влажной соломой или тлеющим листом конопли. Сколько бы Дэвид не принюхивался, не мог посчитать все запахи. Их было много, и ярче всего пах табак. Табак он не любил еще больше, чем дым. Когда он чувствовал этот терпкий запах, ноздри сами собой поджимались, как испуганные лепестки мимозы, его охватывала паника и горло забывало, как втягивать воздух.

Когда создавались генсолдаты, кто-то из ученых решил, что им повредит увлечение куревом и алкоголем, какая встречается у всех здоровых вояк. Так снижается их эффективность, решили они. Это отвлекает от решения главных задач. Кто-то с крупными погонами, кто не имел в себе таких генетических изменений, их поддержал. Когда к власти пришла госкорпорация «Голем», солдат освободили от казарменной жизни, но как скрашивать свободное время, ни один ученый им так и не подсказал.

Нет, он не покрывался пятнами, не бился в конвульсиях, не исходил пеной у рта. Он просто панически боялся, будто в голове щелкало что-то, как у пса, которого каждый раз били током при виде вора в черной маске. Чистый рефлекс. Многим из таких, как Дэвид, удавалось побороть этот страх, особенно в отношении алкоголя. Большинство тренировалось намеренно, и некоторые обнаруживали в себе талант, преодолевавший любые генетические вмешательства. Нуж-

но было только закрыть глаза и ждать, как огненная жидкость булькнет в желудок. Наверное, это сделать было проще всего. Дэвид сам убедился в этом, когда парочку раз напивался вусмерть. Терпкий виски кусал его изнутри, но совсем недолго и совсем не так, как это сделала бы собака или змея. Янтарная жидкость согревала грудь и приятно пощипывала нутро, а когда окончательно уходил страх, ему становилось хорошо.

Но дым... это был настоящий ужас. Он не булькал внутри, забавно ударяясь о стенки желудка, если потрясти животом. Он запечатывал легкие, не давая пробиться воздуху и душил.

– И все же... недавно – это когда? Уточните, – настаивал доктор. – Мне нужно понять, связаны ли они с Полетом Миражей.

– Нет, док, это началось до... – Дэвид осекся, – ...до «полетных» снов. Если честно, не знаю, какие сны ужасней, в которых задыхаешься, или в которых хочешь остаться навсегда...

– А вам снится еще что-то, кроме дыма?

Кроме дыма ему снилось еще кое-что. Темнота. Такая густая, что в ней можно было увязнуть и потонуть. Порою казалось, что она заливает глаза, легкие и рот не слабее дыма, но, когда он начинал двигаться в ней, болтать руками и ногами и потом бежал, бежал чтобы найти выход из сна, она расступалась. Ускользала из-под пальцев, будто боялась, что

он ударит ее, а потом все равно смыкалась за спиной и становилась еще гуще, и Дэвид понимал, что это ловушка. Она просто заманивает его, чтобы он быстрее бежал и сильнее терялся. Тогда-то его и настигнет дым.

В темноте и дыму сновали черные тени. Он бы не заметил их в этой крошечной темени, но они научились танцевать вместе с дымом и называть свои имена. Сначала Дэвид не мог разобрать их шёпота, но потом услышать отчётливое «Маркус» и «Грегори» и решил, что их так зовут. Еще были «Виджен» и два «Брэда» и еще одна большая тень, имени которой он не знал. Она так и не назвала себя, только мычала что-то и извивалась, вплетаясь своим танцем прямо в дым. В справочнике он нашел, что это именно имена, хоть и очень старые. У всех теней они были, в этом не было сомнений. Особенно у той, огромной, мычащей и очень приставучей тени, которая, по мнению Дэвида, и была источником самого нелюбимого его запаха – табачного. Он никогда не видел, чтобы тени курили, но откуда-то должен был взяться этот дым.

– Это просто сны, док. Они не реальны. Я могу задыхаться, но почти всегда просыпаюсь и сразу глубоко дышу. Только холодно бывает, потому что потею, – Дэвид хотел уйти от ответа, упоминание о доносе в корпорацию его беспокоило. – Когда я открываю глаза, все снова так, как обычно.

Пусть док и говорит, что сохранит врачебную тайну, он все равно может обмануть, как тот кредитор, который

оформлял ему жилье. Хотя у Вертиго и глаза добрее, и он не просил ставить подпись под каждой голограммой с мелким шрифтом, но все же. Теперь-то он будет осторожней, это точно.

– Первые сны не представляют опасности, – Вертиго встал из-за стола, пройдясь прямиком к диагносту мозговых импульсов. Дэвид посмотрел на него с двойной опаской. – Не волнуйтесь, это не для вас. Следующий за вами пациент не любит, когда я включаю аппаратуру. Некоторых пугают сны, другие не любят морковку в супе, а кое-кто на дух не переносит, когда начинают пищать нейронные индексаторы. – Вертиго активировал мелкую проволочную сеть, формой похожую на безвкусную панаму. Она засветилась множеством синих огоньков. – О чем это я? Ах, да. Полет Миражей, вторые сны. Они могут изменить первые.

– Что вы имеете ввиду, док?

– Клубы дыма – прежде всего генетическая обусловленность, вложенная в вас программа. Здесь нет ничего предосудительного. Бессознательное воспроизводит страхи, когда ваш мозг в наименьшей активности. Изначально в код генмонов было заложено отвращение к куреву, алкоголю...

– Алкоголя я не боюсь. Мне удалось побороть этот страх. Я храбрый.

– Понимаю.

– Так как вторые сны могут изменить первые?

– Оставить отпечаток... исказить образы, или вовсе с ни-

ми слиться. Могут появиться новые детали, новые события, новые страхи... поймите, сейчас ваша нервная система находится в крайне нестабильном состоянии, — слышался противный писк, доктор положил включенную панаму на диагност. — Какую бы неприязнь вы не испытывали к кибернетическим дотациям, ее нужно преодолеть. Пока вы не сделаете операцию, остается риск досрочной парализации. Нервная система очень сложная область. Это не руки и ноги, которые с легкостью заменяются, подогнав одно к другому. Операцию нужно сделать по крайней необходимости, а не для развлечения, как делают некоторые, вставляя себе новые глаза. Далеко видеть хорошо, только чем плохи свои глаза, если они здоровые? Или печень...

— Печень? — оживился Дэвид. — Вы сказали печень?

— Именно. Некоторые вставляют себе новую печень, чтобы есть и пить без опаски. Сколько влезет. А что?

— Ничего... просто несправедливо это как-то.

Печень... Дэвида это заинтересовало. Совсем недавно Гаред, его сослуживец, выиграл у него довольно крупную сумму. Для Дэвида крупную. Соревнования «кто кого перепьет» в тесных стенах казарм были явлением нередким. Они пили и пили, пока один из них не свалился прямо под стол, сдавшись телом, но не уступив духом, и это был Дэвид. Ровно до того случая ему не было равных в преодолении своих страхов, а тут, совершенно неожиданно, он проиграл. За несколько недель до поединка Гаред лежал в госпитале и вер-

нулся оттуда сильно воодушевленным. У Дэвида закрались подозрения, что неспроста. Может, он сделал операцию по улучшению печени, там, в госпитале? Может, его победа была обманом? Сильная печень поможет своему хозяину перепить любого. Эдак можно кого угодно одурачить. Так нельзя. Это нечестно. Если это правда, Дэвид мог потребовать обратно свои деньги. Сказать, что победа была подстроена. Только он опасался этого делать, руки у Гарета тоже были сильные.

– Аа... хмм... док, – замялся Дэвид. – Мне можно делать то, что я делал раньше?

– Что вы имеете ввиду?

– Пить... разное...

– Ооо... это деликатный вопрос, – Вертиго прошелся сморщенной рукой по блестящей лысине. – К сожалению, алкоголь плохо влияет на нервную функциональность. Запрещены любые стимуляторы и психотропы. Как вы знаете, алкоголь тоже относится к ним.

– Нет, я не знал.

– Понимаю.

– Так что, совсем нельзя?

– Почему же? Иногда требуется что-то, что поддержит наш дух. Если знать меру, пользы будет больше, чем вреда. Иногда нужно немного расслабиться... напряжение еще никому не приносило пользы, – на секунду Дэвиду показалось, что добрые глаза доктора стали отчего-то грустными. И он

не совсем понял, про кого тот говорит, про него, или про себя? – Если вы выпьете немного, ничего страшного не произойдет. Я никому не скажу, – доктор легонько улыбнулся, – но делайте это в случае крайней необходимости. Только если чувствуете что-то чрезвычайно непреодолимое.

– Что именно, доктор?

– Например, одиночество.

Глава 2. Одиночество

Иногда Дэвид размышлял о том, что такое одиночество. Раньше он не задумывался об этом, потому что не любил думать. Но после Полета Миражей у него просто не осталось выбора. Размышлять об одиночестве оказалось самым простым, хоть и не самым приятным делом.

С тех пор, как распался Марсианский Союз, он редко бывал в казармах, только на сборах или попойках, и чувствовал себя совершенно свободным. Он мог вставать на пять минут позже, а иногда на целых десять, надевать носки разного цвета, если не найдет одинаковых, не чистить зубы каждое утро и не есть кислую капусту, когда не хочется.

– Казенные харчи должны подчищаться полностью, – командир доводил до него истину каждый раз, когда Дэвид говорил, что от капусты его пучит.

Сейчас все изменилось. Однако он, бывало, все же жевал капусту время от времени вопреки своему хотению. Кислую, и отвратительно хрустящую на зубах – чтобы помнить, насколько он свободен.

Казалось бы, у него было все, о чем только можно было мечтать, и Дэвид мог скрестить сковороду сколько пожелает, счищая с нее запекшиеся шкварки. Мама не любила, когда он делал так. Ее не стало, и он набивал шкварками пузо сколько влезет, но почему-то они уже не казались ему таки-

ми вкусными.

Отца Дэвид никогда не видел, он подозревал, что его и вовсе не существовало. Мать участвовала в госпрограмме по рождению генсолдат, и ей подселяли безликий модифицированный материал. Временами он чувствовал себя человеком только наполовину, но мама убеждала его, что любила бы его как целого, даже если бы он родился без рук или ног, как некоторые неудачные младенцы. У нее тоже не было никого, кроме сына. Дэвид слышал однажды, что она тоже живая только наполовину. Генный эксперимент без корней и прошлого... неважно, это все неважно. Из каких бы половин она не была сделана, она любила его, а когда умерла, унесла свою любовь в могилу. А вот Бетани его оставила, при этом даже не умерев.

– Ты настолько туп, что даже не заметишь, что меня не нет рядом, – бросила она напоследок.

Это была неправда. Дэвид скучал по ней и очень сильно чувствовал, что ее нет рядом. Трудно не заметить отсутствие теплого тела на кровати, особенно когда оно большое и вкусно пахнет. Это все песчаная буря. Бетани просто обиделась на него. Виноваты синоптики, а не он.

В одно мгновение вокруг не осталось ни единой души. Странная пустота преследовала Дэвида по вечерам, догоняя его в маленькой квартире с удобными стульями, и это ему не нравилось.

– Ах... ох...

Сегодня ночью он выбрался отдохнуть. Ему досталась уютная комнатка. Несмотря на огромную кровать, занимавшую почти все пространство, она не казалась маленькой. Скорее, оптимизированной. Дэвиду нравилось все оптимизированное, особенно когда большую часть занимает функциональное. Прямо как эта кровать.

Алый цвет одеяла и оборки по краям кровати должны были создавать романтическую обстановку, и они создавали – Дэвиду с каждой секундой казалось, что в нем росла романтика. Приглушенный свет мягко ложился на стены, скрывая за полутьмой облупленную краску. Иногда он мигал, реагируя на слишком громкие шлепки.

Недалеко от кровати, у самой стены растянулся плоский аквариум с огненными вуалехвостами. Они прятались за вёртками, похожими на червяков водорослями, спокойно дремав в ворохе суевливых пузырьков воздуха.

Никто из рыбок ни разу не обратил внимание на мигание света. А вот Дэвиду это мешало. Обычно его не трогали яркий свет или его отсутствие, или приглушенные стоны, идущие сквозь тонкие стены сверху, сбоку и снизу. В какой-то мере все это способствовало делу, но сейчас мысли роились в мозгу, и раздражали даже тихие вздохи. Не говоря уж о самых громких, рождавшихся под самым его носом. Дэвид повернул ее спиной, чтобы не видеть лицо. Стоны девушки смахивали скрип несмазанного импульсника.

– Код пятьдесят-девятьсто, – приказал он обширной

блондинке, лица которой не помнил. — Громкость на минимум.

Девушка дернулась как-то нервно и недобро.

— Ты что, сдурел?! — вдруг взревела она. — Я не робот, идиот!

Дэвиду стало неловко. Он вдруг вспомнил, что точно, сегодня взял живого человека. После расставания с Бетани он ходил в бордели только к дроидам, и тем самым считал, что в какой-то степени хранил ей верность. Но после того, как он встретил ее в том же самом борделе в центре города, куда навевывался к роботам, а потом еще раз, и еще, он стал ездить на окраину, решив, что хранить верность не обязательно.

— Извини, — Дэвид проявил вежливость, но не остановился. — Помолчи, пожалуйста...

Молчание показалось ему недовольным. Не из-за того ли, что он перепутал ее с роботом или потому что ей неуютно рядом с ним? Дэвид решил поспешить, хотя за эти деньги мог купить выпивки на целый вечер.

Солдат сделали большими: большие руки, большие плечи, большой рост и большие ноги, даже шеи у них и то были большими. И ладони тоже. Генмоды могли проломить бетонную стену кулаком, оставив на костяшках пальцев только пару неглубоких ссадин. Их недюжая сила поражала и многих пугала. Как и то, что болталось впереди, тоже большое, как и все в их телах.

Обычно не принимавшая никакого участия в бою деталь

была лишь побочным продуктом работы ученых, а те не особо заботились о социализации солдат. Генмоды создавались не для этого. Поэтому об уменьшении отдельных частей тела речи не заходило. Пришли другие времена, и маленькие большие недостатки ударили по кошелькам первого поколения генсолдат. Многим приходилось разоряться, доплачивая за свои размеры. Так случилось и сейчас.

– Может, на ста сойдемся? – спросил Дэвид, посмотрев на девушку с надеждой.

– Сто было пару дюймов назад. Плати или дальше ходи к дроидам.

Она точно обиделась, убедился Дэвид, переводя нужную сумму. Выходил из борделя он расстроенным.

Окраины Арсии встречали морозным осенним воздухом. Чем дальше от центра мегаполиса, тем сильнее разряжался воздух. В холодных, покрытых сумраком окраинах пахло пустыней, мочой и дешевым пивом.

Синайское плато, на котором развернулся город, возвышалось над Марсом на несколько километров и совершенно не подходило для жизни. Во время столетней терраформации плато растаяло, словно лед в кипятке. Суетливые роботы разобрали по крупнице многокилометровые залежи железа, меди, кобальта и всего того, без чего стало возможно существование Арсии. Отсутствие полезных ископаемых сделало плато тонким, словно кусок ветчины на бутерброде жадного повара и дырявым, как душа вежливого кредитора. За

пределами города синайское плато было истыкано красными пещерами, выдыхающими из своих недр взрывоопасный перхлорат. Иногда из зияющих глоток вырывались огненные брызги, словно пещеры чихали с широко раскрытыми ртами.

Под Арсией тоже петляли разветвленные тоннели, но их насчитывалось не так много и все они были заполнены дерьмом. В свое время Арсия разрасталась быстрее, чем успевали делать очистные сооружения. Поговаривали, что под землей прятались отчаянные преступники, не нашедшие приют в более чистых местах. Марс планета небольшая, всего треть от материнской Земли, и мест для игр в прятки с полицией насчитывалось не так много.

Из-за особенностей атмосферы город почти всегда был погружен во тьму, лишь на несколько рассветных часов обращаясь к солнцу.

Дэвид двинулся вниз по улице, предвкушая сгущение воздуха. Тогда у него перестанет кружиться голова. Метров пятьсот по наклонной мостовой – и хорошо.

Бордель располагался в конце главной улицы, венчая самый важный товар северной окраины. Каждый раз, когда Дэвид находился на этой точке возвышенности, перед его взором возникали далекие пики гор. Впереди протыкала небо пятнадцатикилометровая Арсия, в честь которой был назван этот город, а за ней – гора Павлина, не превышающая и пяти, но все равно хорошо видная. Раньше они были повыше, но терраформация не пощадила ни один камень на планете.

Многие говорили, что с определенного ракурса горы походили на женские груди. Дэвиду казалось это странным. Где это видано, чтобы правая женская грудь была в два раза короче, чем левая? Притом обе они были длинные, неровные и смахивали на высохшие. И пики их совсем не походили на соски, острые и страшные, как у столетних старух. Будь у женщины такие груди, Дэвид бы ее не захотел. Надо полагать, такие груди должна иметь очень страшная женщина, которая уже не помнит, как кормить ими. Дэвид иногда представлял эту огромную каменную женщину, спящую под слоем грунта, дырявых пещер, заполненных дерьмом и небоскребов никогда не спящего города. Ему стало бы жалко ее, если бы эти мысли не вызывали первобытный страх.

– Не найдется парочка свободных монеро, добрый человек? – у каменной обочины разместился бездомный, демонстративно вынув из-под грязного плаща гниющую ногу. Вонь от ноги стояла ужасная.

– У вас ненастоящая нога, – сказал ему Дэвид.

– Это как – ненастоящая? – оскорбился бездомный. – Она растет из меня, сколько я себя помню, – он побряхтел. – Всегда служила исправно и никогда не жаловалась, пока не подвернулся бесплатный ужин. Никогда не входи в загон с харибдами, даже когда говорят, что это безопасно. Но пальцы до сих пор двигаются. Смотри, вот, – бездомный пошевелил пальцами. – Не хотелось бы, чтобы они отвалились так же, как моя гордость, – он протянул руку.

– Меня кусала харибда, после нее мясо гниет не так, – Дэвид был генсолдатом, и его нюх мог различать сотни отвратительных оттенков. – Вот эти пузыри по центру должны покрыться коростой, и по краю идет желтая пленка, а не зеленая. И пахнет от вашей ноги не сгнившим человеком, а оленьей и медвежатинной. Медвежатинной больше. Я никогда не видел медведей, но их куски попадались мне на обеде. Это не настоящая гниющая нога.

– Надеюсь, это не повлияет на щедрость доброго господина?

Бездомный без опаски почесал вздувшиеся волдыри, довольно бодро подмяв под себя ногу. Дэвид задрал рукав с индивидуальным днк-браслетом.

– Отсюда раньше ходил маршрут до центра, но сейчас его нет. Наверное, поменяли что-то. Не подскажите, где он находится? – Дэвиду не хотелось брать такси, для него это было слишком дорого.

Он сцедил пятьдесят два монеро бездомному, обнажившему свой браслет на запястье. Тот все еще работал, хотя заряд почти вышел.

Дэвид дал бы больше, если б не доплатил шлюхе за свои размеры. Хотелось извиниться, но стыдно оправдываться этим. Он стеснялся.

– Ходила здесь одна развалюха, вниз по улице и направо, – бездомный задрал шею, показав часть перекошенного лица под капюшоном. У него была морщинистая кожа, заплыван-

ная седая борода и блестящий взгляд. Вечная темнота Арсии искажала лица, делая женщин похожими на мужчин, а бездомных на воров. Впрочем, последнее не сильно разнилось с правдой. После перевода бездомный сразу отключил браслет, чтобы сохранить заряд. – Раньше было лучше. Один город под куполом, все друг друга знают и никаких развалюх. С тех пор, как запустили эти чертовы гравитаторы, купола уже никого не останавливают. Все равно что открыть банку с блохами. Вот только блохи боятся выпрыгнуть наружу, а люди сразу повыскакивали, будто им больше всех надо. Никому уже нет дела до ураганов и перепадов давления. А если какой-нибудь из этих гравитаторов выйдет из строя? Все же помрут как блохи без собаки! Никто ведь не думает об этом. Оо... какие были раньше купола... хорошее было время. Все ходили чистенькие и боялись под себя нагадить. А теперь гадят все, кому не лень.

Признаться, Дэвид не думал об этом, да и не застал времен, когда марсианские города прятались за массивными куполами. Ему недавно исполнилось двадцать семь, и он не застал ничего, кроме распада когда-то могучего Союза. Тогда он был совсем маленьким и помнил все только отрывками. Однако, все же понимающе кивнул, чтобы никого не расстраивать.

– Они говорили, что ничего не изменится, – бездомный сплюнул в сторону, проявив уважение к Дэвиду, как к человеку щедрому, в ином случае он бы плюнул ему на ноги. – Го-

ворили, что переход будет плавным. Посмотри на меня, похоже, что социализм соскользнул в чертов капитализм плавно? По мне так форменное издевательство. Моя гнилая нога не соврет, как и пустой желудок. Ну, или просто пустой желудок, раз с ногой мы разобрались... Знаешь, почему я здесь?

Дэвид не знал.

– Может, потому что вы не хотите работать? – предположил он и сразу понял, что ошибся, когда кривое лицо бездомного еще больше скривилось. – Вас обманули? Выгнали из дома из-за долгов. Меня тоже обманули, но не так сильно, чтобы остаться без крыши над головой. Правда, теперь приходится чаще проходить мимо баров, когда я хочу зайти внутрь.

– Нет, не так. Потому что комуняки – идиоты! – бездомный выплюнул гнев вместе со слюной, добавив к плевкам на бороде еще один. – Я сам был комунякой... да к черту все, им и остаюсь! Поэтому я тоже идиот и теперь прошу милостыню. Ностальгия еще никому не помогала пополнить счет. Тебе ли не знать, – Дэвид не знал, ему хотелось уйти. Он так же не знал, почему бездомные так любят поговорить. Потому что он сидит тут один целый день, предположил он, и пожалел его. – Следовало бы догадаться, что корпорации задушат наивных любителей плакатов, которые стремятся защищать всех и вся кроме самих себя в собственном же доме.

В этот момент Дэвид вспомнил, как кто-то объяснял ему

произошедшее. Что все было совсем не так, как рассказывали в учебниках и на собраниях. Государственные заводы разрастались, приобретая статус корпораций, потом появились люди, которые начали хорошо управлять ими, потом эти люди становились более независимыми, потом они взяли контроль над роботами и производством частей для киборгов, а потом... У кого роботы – тот и прав, говорили ему друзья. Без роботов Марсу не выжить. А в итоге власть перешла к госкорпорации «Голем» и парочки более мелких. У них были роботы, а, значит, и планета.

– Иногда мне кажется, что они всех хотят сделать роботами, – поделился он своей тревогой с бездомным, – Или киборгами. Хотя киборги лучше, чем роботы, если, конечно, они не ходят с усиленной печенью. Но они все-таки люди, а роботов я не всегда понимаю.

– Скоро они будут везде, – проворчали ему в ответ. – Хорошего от этих железяк не жди. Потому что они не хотят жить с нами – они хотят жить вместо нас! Будто Венера никого не научила ничему.

– Некоторые говорят, что они лучше нас, – Дэвид попытался умерить свою тревогу, произнеся первое, что пришло в голову.

– Кто говорит?

– Все говорят. Везде.

– Ну ты и дурак, парниша. Как эти засранцы могут быть лучше? Да, они не гадят дерьмом и не воняют, потому что у

них ничего не гниет. Но что у них тут? – бездомный ткнул грязным пальцем в капюшон, под которым пряталась сальная голова. – Разве лучшие из лучших могут лишиться работы такого бедного старика как я? Ох... моя нога... есть еще парочка монеро?

У Дэвида больше не было, поэтому он отвернулся, быстро устремившись вниз по бетонной мостовой. Кое-где торчала арматура, полотно было разбито, но все еще выглядело сносно.

Действительно, в последнее время он начал замечать, что роботов вокруг стало больше. Искусственный интеллект, пять лет назад официально признанный Марсианскими властями личностью, начал выходить на улицы. Его это беспокоило каждый раз, когда он угадывал во взглядах иное. Иногда иное специально обнажало металл под кожей, чтобы заявить всем, что оно не такое, как все.

Остановившись на мгновение, Дэвид обернулся. Бездомный сидел на том же месте, протянув руку первому попавшемуся прохожему. Также он снова вынул ногу. Но как только он узрел в прохожем дроида, сразу одернул ее, спрятав под замызганным плащом. Вторая попытка почти увенчалась успехом:

– Не найдется пара бесхозных монеро? – спросил он высокого худощавого паренька с круговым ирокезом, за что получил пару пинков в бок.

Отвернувшись, Дэвид ускорил шаг. А ведь бездомный

был прав. В истории «человеческого» марса таилось немало тайн. От некоторых, которые он знал, у него и вовсе холодели кончики пальцев. Быть честным, Дэвиду больше нравились истории, в которых нет человека. Взрывы там всякие, метеориты, невидимые инопланетяне и все такое. Но было и много других тайн, и всяческих неожиданностей.

Глава 3. Неожиданность

С тех пор, как человечество изобрело гравитаторы и применило технологии в масштабах планеты, купольные города ушли в небытие. Когда-то они удерживали под непроницаемой шапкой из сверхпрочного крионановолокна тысячи и тысячи человеческих вздохов, ведь за их пределами Марс отчаянно пытался остаться самим собой: ржавым, неприветливым, ворчливым. У каждой планеты был свой язык, Марс разговаривал с человеком ураганами, разряженной атмосферой, обжигающим холодом по ночам, и знойной жарой – днем.

«Уходите, чужаки, не трогай мое спокойствие», – будто говорил он человеку, обрушивая очередной купол ураганом. Когда не оставалось воздуха в сотнях легких, не успевших спрятаться в аварийных укрытиях, он ликовал, пропуская в атмосферу очередную порцию смертельного радиоактивного излучения.

После формирования магнитного поля он все еще цеплялся за отсутствие гравитации, стремясь изгнать чужаков. Открылась завеса темной материи, и появились гравитаторы. Адские Долины Смерти потеплели до двадцати градусов по Цельсию. Марс сдался.

«Купола обрушились, а люди превратились в блох», – подумалось Дэвиду, шагавшему широкими шагами вниз по мо-

стовой.

В блох, перескочивших через бетонные стены купольных городов. Он еще маячил там, на горизонте, слева от каменных грудей уродливой великанши, возвышаясь над суетливым мегаполисом бледной расколотой скорлупой. В вечной темноте Арсии были незаметны каркасы и блеск крионановолокна, разрушенный купол неровными тупыми осколками осел на бетонные стены, уже не в силах окольцевать город полностью. Город, который забыл о нем сразу же, как только появилась атмосфера.

«Если я и блоха, то очень большая», – решил Дэвид, устыдившись, что подумал о людях так плохо. Нехорошо называть людей блохами, пусть даже они и очень похожи.

Город так быстро разрастался, что начинал смахивать на земные трущобы. Дэвид никогда не был на Земле, но ему было приятно думать, что здесь не хуже, чем там. Сильнее всего это было заметно именно на окраинах: здесь строили то, о чем власти никогда и не подозревали. Наверное, потому, что им и дела нет до окраин. Они никогда не видели дальше купольного кольца – элита, а что творилось за ним, их не интересовало. Поговаривали, что когда-то было по-другому, но эти благостные времена Дэвид не застал.

Вдоль узких улочек тянулись кривые шершавые дома и мелкие забегаловки с кричащими неоновыми вывесками, утопая во тьме так же, как и лица прохожих. Марс был мал и приходилось тесниться, хоть за пределами мегаполиса и

развернулись километры каменной пустоши. Город роился, осторожно поджимаясь с окраин, закрывая воротники широких плащей от сухого песчаника. Временами песок скрипел на зубах, напоминая, что Марс еще мечтает об отмщении, или просто хочет снова побыть в молчаливом спокойствии космоса.

Навстречу стекалась плотная, широкая людская волна – в баре «У бородача Стенли» сегодня день отчаянных скидок, и Дэвиду пришлось побороться за движение в противоположную сторону. Мимо мелькала пестрая марсианская мода, не менее отчаянная, чем скидки у бородача Стенли. Почему марсиане не умели носить что-то более неприметное, для Дэвида оставалось загадкой. Сам он довольствовался казенными черными берцами, серыми плотными штанами и футболкой, поверх которой была накинута совершенно обычная куртка коричневого цвета. Все это было очень оптимизировано и очень функционально, в отличие от ярко-желтой тряпки с неоновой подсветкой, которая болталась на верхней половине туловища того прохожего. Такую видать через несколько кварталов отсюда, по такой точно не промахнешься. Дэвид уже прикидывал, со скольки метров сможет попасть в эту яркую мишень. Прохожий мог быть потенциальным нарушителем порядка. Для Дэвида они все были потенциальными – их так учили. Оценивая моду и внешность прохожих, он прежде всего рассчитывал, насколько они легкие цели.

Мимо пробежала стайка резвых мальчишек.

– Простите, господин! – сразу же извинился один, по неосторожности налетевший на большого и широкого Дэвида. – Оо... – протянул лысый мальчик лет семи, задирая и задирая голову, в конце концов остановившись на лице Дэвида – не менее широком, как и все его тело, с твердыми очерченными скулами, мощной челюстью и спокойными бледно-голубыми глазами.

Мальчишка был поражен ростом генсолдата, и раскрыл рот, не скрывая своего изумления. Высокие люди на Марсе были редкостью, и Дэвид уже не удивлялся, что удивляются ему.

– Чего рот разинул, Томми, побежали! – мальчика двинули в плечо, и он отвернулся, отрывая взгляд от рослого незнакомца.

Дэвид смотрел вслед кучке мальчишек, сверкавших пятками, и в этот момент к нему закралась догадка. Больно уж они напоминали бездомышей, как и все на этой окраине – здесь даже дома выглядели, словно они были бездомны. Дэвид пошарил по бедрам, щупая карманы. Так и есть – украли кошелек. Он, быть может, и расстроился, но кошелек был совершенно пустым, а сам не стоил и десяти монеро. Несмотря на малые потери, отныне Дэвид смотрел в оба, опасаясь пропажи еще и браслета.

До места назначения – вниз, вниз и вниз, а потом направо, он добрался, держась за запястье. Здесь толпилась куча

народу, ожидая прибытия транспорта. Тут же раскинулись ряды мелких лавочников, торгующих всякой ерундой. Чтобы сократить время ожидания и отвлечься от задубевших на холоде кончиков ушей, Дэвид прибил к одному из лавочников, занимая глаза безделушками. Он вжал голову в плечи и спрятал в карманы руки – ближе к ночи становилось еще холодней. К настоящей ночи, без теплых потоков воздуха, дувших с каменной пустыни жаркого синайского плато. Марс отвернулся от Солнца, позволив космосу хорошенько поморозить людей.

– Если будете так нависать, у вас глаза выпадут, – бегло прогортавил владелец прилавка.

– Глаза не могут выпасть от наклона, они хорошо крепятся в черепе, – явную насмешку Дэвид принял за чистую монету.

– Конечно, конечно. В крайнем случае можно закрыть веки, чтобы они не выскользнули, – хохотнул полноватый лавочник.

– Если глазное яблоко вышло за пределы глазницы, веки уже не помогут, – Дэвид снова принял все за чистую монету. Он отнял взгляд от безделушек. – Один раз я надавил мятежнику на череп, а у него выскользнул правый глаз. Веко просто разошлось, оно никак не помешало глазу выпасть из головы.

Бегло окинув взглядом Дэвида с головы до ног, лавочник спрятал руки в широкие карманы плаща и промолчал, проявив должное благоразумие.

Когда центр Арсии зудел от бликов и мерцаний, окраина перебивалась с тьмы на полусвет. Лавочники освещали свои товары длинными тусклыми лампами – оберегами от ушлых карманников. Но этого было мало. Каждый старался перещегоолять другого, увешивая себя диодными осветителями. Полноватого лавочника стягивал неоновый пояс, впиваясь в нежную податливую плоть. Дальше он поднимался вверх – по плечам, заменяя ему подтяжки и тесемки. Окольцевав широкий воротник плаща, неон подсвечивал пористые щеки, широкий нос и полноватые изнеженные губы. На узком просаленном лбу тоже располагался фонарик. Торговец то и дело вертел головой, задерживаясь взглядом на том, что хотел бы побыстрее продать.

– У меня имеется карманная тепловая пушка, – с большей учтивостью, чем прежде сказал лавочник. – Вот, посмотрите. Пару нажатий на кончик... – он выдернул пухлыми пальцами гладкий короткий стержень из кучи всякой всячины у себя на прилавке и протянул Дэвиду. – Именно так, да... а у вас талант обращаться со всякими штучками... Тепло пойдет по руке, подождите немного и оно согреет прямо до локтя. А если положить в карман, не замерзнет то, что замерзнуть не должно. Осенние ночи нынче холодны. Всего тридцать монеро и он ваш.

Дэвид с блаженством ощущал, как трепетное тепло окольцевало пальцы, согревая продрогшие кости. Направленный поток пополз по запястью, поднырнув под рукав куртки. Дэ-

вид даже отодвинул ткань пальцем левой руки, чтобы теплу ничего не мешало.

– Очень интересно... но я не нуждаюсь, – Дэвид смущенно протянул штуковину обратно.

Тепло в ладони растаяло, уступая место обжигающему холоду. Стало грустно. Из его рта уже давно клубился пар.

Лавочник еще раз окинул Дэвида взглядом: аккуратная одежда, довольно добротная, но не слишком дорогая. Такой человек, как Дэвид, явно не следит за модой, но следит за чистотой. Для марсианского мужчины это редкость, а, следовательно, речь шла о выучке. Он высок, плечист, на голове скучнейшая прическа, светлые волосы со слегка желтоватым отливом походили на коротко стриженную солому. Скорее всего, мужчина состоит на государственной службе, а после развала Союза у таких ветер в карманах. Он нуждается в этой тепловой пушке, просто у него нет тридцати монеро. Но, может, у него имеется меньше?

Лавочник Берти Олива не был избалован покупателями в этот морозный вечер, вся его потенциальная прибыль осела в баре у бородатого Стенли, вместе с отчаянными скидками на его протухшее разбавленное пиво.

– Есть товары и подешевле, – поспешил сказать лавочник, пока свежи воспоминания о тепле. – Портативное голографическое зеркало с функцией сглаживания морщин во время звонка, тут, слева... хотя оно вам ни к чему. А вот тут, – пухлый палец коснулся небольшой белесой ромашки с гиб-

кими мягкими лепестками. – Массажер затекших мест. Как вы понимаете, его можно использовать не только, когда что-то затекло... а тут у меня браслет с датчиком заднего движения. Моя гордость. Очень хорошо помогает от карманников. У меня и у самого такой есть, – торговец задрал рукав плаща, показав красный браслет на мясистом запястье. – Вчера отодрал троим мальчишкам уши. Очень полезная штука, скажу я вам.

– Тоже по тридцать монеро? – заинтересованным, но упавшим голосом спросил Дэвид.

Украдкой косясь на массажер, он помялся на месте. Будь у него такая ромашка, он, быть может, и не вспоминать Бетани так часто и у него оставалось побольше монеро в карманах. При подвижной работе редко что затекало, но ведь эту ромашку можно использовать по-разному, этот большой мужчина сам так сказал.

– Нет, не тридцать, – отрицательно покачал головой торговец. – Пятнадцать.

Дэвид тяжело вздохнул. Торговец вздохнул разочарованно.

– Как скоро придет транспорт до центра? – спросил Дэвид.

– Сейчас редко ходят. С полчаса, может, больше.

Согнувшись, торговец на мгновение исчез, погрузив товары во тьму. Когда он разогнулся, неоновые вспышки с новой силой ударили по глазам. Лавочник плюхнулся перед собой небольшую плетеную корзину с какими-то гранеными шарами. Их было примерно с дюжину, и размером они не

превосходили шарики для пинг-понга.

– А как насчет брелков? Всего два монеро за штуку. Они говорящие.

– Говорящие брелки?

– Да-да, именно так.

Нависнув еще раз, Дэвид взглянул в корзину с высоты своего могучего роста. Это были не шары – это были непрозрачные штуки с множеством граней. Взяв одну, он насчитал целых шестнадцать. У другой было восемь, или двенадцать, к тому времени, как Дэвид дошел до цифры «7», он запутался. Ему казалось, что он только что посчитал эту грань, и эту, и ту тоже, а когда развернул, забыл, что уже считал ее. А вспоминать названия многогранников по числу граней и вовсе не решился. Они звучали странно и были жутко сложными. Он расстроился, что ни у одной такой штуки не оказалось по четыре грани, тогда это был бы простой кубик и с названием не нужно было заморачиваться.

– А что они умеют говорить? – спросил Дэвид, повертев перед носом многогранник. – Что-то они совсем черные, будто не живые. Динамиков тоже нет. Откуда они говорят, если умеют?

– Отовсюду, – пожал плечами торговец. – С каждой грани понемногу и получается очень даже складно. У них отличная синхронизация звуков. Говорить могут всякое, все зависит от подхода... как вы научите. Мороки может быть много, но на то и цена такая бросовая. Если повезет, можно

заставить их говорить только отдельные фразы. Например, приветствие или трансляция прогноза погоды...

– Заставить? – удивленно переспросил Дэвид. – У них не встроенные программы фраз?

– Это искусственные интеллекты. У них нет фиксированных программ, – потряхнув корзиной, ответил торговец. Многогранники глухо звякнули, перекатываясь друг на друге. – Когда-то они стоили ужасно дорого, но сейчас дендровые ядра на каждом шагу. Мой сосед увел вчера мою жену, мерзкий обольститель. А ведь он только как с неделю получил эндельцию о признании его мыслящим. Вот что бывает, когда встраиваешь себе член прежде, чем мозги. Так что, вы берете?

– Но ведь они... тоже мыслящие, – нахмурился Дэвид. Ему что-то не нравилось, но он пока не понимал, что именно. Они были мыслящими существами, мыслящими. И лежали кучкой в корзине, не имея возможности издать ни звука.

– Да, мыслящие, но без эндельции они всего лишь милые аксессуары. У них устаревшая технология дендровых ядер, так что многого от таких ждать не приходится. Они не получают эндельцию, даже если небо упадет на землю, – хохотнул торговец. – Я же говорю – брелок. Безделушка.

По закону эти многогранники не могли быть живыми, тут торговец был прав. Всего лишь предметы, которые можно раздавить в ладонях, как букашки. А ладони у Дэвида были широкие и сильные, и он чувствовал подушечками пальцев

шершавые переливы на гранях искусственного интеллекта, и видел отражение ядовитого неона, бившего со стороны торговца.

– Включите его, – попросил Дэвид, возвращая торговцу его товар. – Я хочу послушать, как он говорит.

– Что ж, это я могу, – с охотой ответил торговец, принимая пухлыми пальцами многогранник. – Ночь темна, а вы мой первый посетитель за весь сегодняшний вечер. Должен же Берти Олива отобрать у Стенли хотя бы два его монеро.

Затаив дыхание, Дэвид следил за каждым движением ловких пальцев. Как они прикоснулись к темным граням, отражающим ядовитый неон, как прошлись подушечками по белой полоске одного из ребер многогранника... он не замечал ее раньше, она была слишком тонкая.

– Анпейту двадцать-восемнадцать. Активация, – шлепнул губами Берти Олива, поднеся дыхание прямо к искусственному интеллекту.

Белесый пар окутал многогранник, лизнув мокротой глянцевые грани. Молчание... ничего так и не произошло. Ии не изменил цвета, не вспыхнул яркой вспышкой и не почернел еще больше, он даже не дрогнул, оставшись безмолвным гладким камушком.

– Что с ним? – обеспокоился Дэвид.

– Хм... какая досада. Этот, видимо, мертв.

– Может, у него закончился заряд? – с надеждой спросил Дэвид, ему почему-то не хотелось, чтобы этот разум умер,

хоть он и побаивался искусственных интеллектов, как и киборгов, как и все искусственное, что не рождено. – Можно зарядить его и попробовать снова.

– О, это работает не так, – покачал головой Берти Олива. – Старые дендровые ядра заряжаются энергией солнца. А Арсианское небо, как видите, не слишком щедрое. – Он задрал голову, безуспешно оценивая небо. – Слишком долго я не выгуливал этих малышей на свежем воздухе, боюсь, некоторые из них совсем зачахли... – Олива раздосадовался, отбросив в сторону еще один бесполезный многогранник, третий по счету.

– У них должен быть режим энергосбережения.

– Хм... а ведь вы правы, один год – не срок, вряд ли они могли умереть за это время. При уменьшении энергии ядра должны перейти на экономию, просто уснуть... Ай-яй-яй, – Олива покачал головой. – Наверное, они слишком долго находились в одиночестве. Надо было хотя бы включить их, чтобы переговаривались между собой... как печально... отсутствие общения для этих малышей смертельней, чем долгая голодовка. Они могли умереть от тоски, или сойти с ума. Тогда они не стоят даже двух монеро. Если я найду хотя бы один живой, отдам его вам бесплатно.

– И не попросите даже двух монеро? – как-то глупо переспросил Дэвид, обрадовавшись такому бесполезному подарку.

– А почему же нет?

– Вы торговец, – напомнил ему Дэвид. – Торговцы всегда жадные...

Берти олива рассмеялся, обхватив ладошками живот.

– Рассмешили... хоть и правда. Мне не нужны синяки от недовольных клиентов, хватает и других. Эти малыши были отсоединены от общей сети при формировании своего интеллекта. У таких нет ни рук, ни ног, поэтому их обучение было фрагментарным, ограниченным. Они редко понимают, кто они и что делать в этом мире. Поэтому делают, что скажут. Спросишь прогноз погоды – будет прогноз погоды. Они даже могут запомнить имена ваших любовниц и составить графики, чтобы они не пересекались друг с другом. Но толку, если они перепутают Стефани с Камиллой и те расцарапают вам лицо? – задумчиво проговорил торговец. – Когда они сходят с ума, то могут перепутать не только это... царапины на лице заживают долго, скажу я вам... Хотя, с каким хладнокровием эти милые малыши путали графики... возможно, виновато не безумие. Может, они это специально делали? Если так, мне останется их только выбросить.

«Этот мир сошел с ума, – подумал Дэвид, – Весь этот мир сумасшедший, не только эти брелки. С каждым днем все больше и больше». После развала Союза ему все чаще приходила в голову эта мысль, потому что в детстве все было просто и хорошо, а сейчас приходится много считать.

– Дайте мне корзину, я поищу сам, – ответил Дэвид, протягивая широкую ладонь. – Все равно вы хотите их выки-

нать.

– Держите, – Олива поспешно всучил кучку темных камней в руки Дэвиду, сразу же переключив внимание на невысокого тощего незнакомца с механическим вороном на плече.

Новый покупатель, более потенциальный, чем сам Дэвид, мало чем отличался от остальных зевак, ждавших транспорт. Ядовитые цвета и безликие плащи делали жителей окраин похожими друг на друга больше, чем темнота. Тем более, лица его не было видно, и даже головы – все скрылось под широким капюшоном. Незнакомец склонился над безделушками, с интересом рассматривая ромашку. Дэвид оторвался от многогранников, взглянув на ворона. Сначала ему показалось, что это дроид. Сторона, доступная его взору, была сплетена из сверкающего нановолокна и черных транзитных нитей.

– Покажите, как он работает, – глухо отозвался обладатель ворона, ткнув пальцем в белые лепестки.

– Работает! Работает! – задрал стальной клюв, загоготал ворон. – Работает!

Ромашка завибрировала. Ворон распахнул черные крылья, сверкнув тонкими нитями, скользящими промеж черных, как смоль перьев. Он вертел головой туда-сюда, резко заламывая шею. Правый глаз, со стороны Дэвида, горел красным. Интересно, он понимает, о чем говорят? Стальные тонкие лапки впились в глянцевый плащ. Они то и дело

скользили, поэтому ворону приходилось все время расправлять шелковые крылья, чтобы удержать равновесие.

«Это не дроид, – с изумлением догадался Дэвид, – это киборг». Другой глаз у ворона был совершенно обычным – черным, как и полагается настоящему ворону. Дэвид увидел это, когда птица резко повернула голову, в очередной раз заломив шею. Это была ювелирная, очень тонкая работа, стоившая гораздо больше, чем тридцать монеро. Не удивительно, что торговец сразу потерял к нему интерес. Будь у него такой ворон, он бы тоже сошел за богатого.

– Кто здесь?! – громко спросил ворон, пока его хозяин забавлялся с безделушками. – Кто здесь, кто здесь?!

Взмах, еще взмах – и холодный воздух Арсии плавно нырнул в шелковые смоляные перья. Перышки зашевелились, словно живые. Птичьи суставчики напряглись, заставив когти впиться в ткань. Дэвиду нравилось наблюдать за ним. Ворон походил на забавную игрушку, особенно когда открывал и закрывал клюв. Только думать так было не совсем красиво. Все же, у него в его груди бьется сердце, и он живой.

А бьется ли? Дэвид поймал себя на мысли, что не знает этого. Несомненно, мозг у него птичий – иначе это был уже не киборг. Искусственные животные интеллекты не создавались для развлечения, их не найти в частных руках. Особенно на окраине, на плече у прохожего, рассматривающего ромашки. Соколы могли летать в небе, жуки перебирать толщу породы, но все они имели государственную маркировку. А

это просто ворон на плече. Ничего серьезного.

Только сердце у него вполне могло быть искусственным, если вообще имелось. Присутствие сердца не входило в обязательный перечень, признающий существо живым. В этот перечень входил только мозг. Может, поэтому мир и сходит с ума, подумал Дэвид.

– Кто здесь... – уловил острый слух Дэвида. Такое тихое, робкое, что сразу понял – это сказал не ворон. А еще он понял, что ворон повторяет лишь то, что слышит, а, значит, не он первым сказал эти слова. Эти слова сказал многогранник в его руках.

Очередное «Анпейту двадцать-восемнадцать. Активация» вдохнуло жизнь в существо, у которого было восемь граней. Дэвид хорошо посчитал, ведь каждая из них светилась разными цветами и перепутать было невозможно.

Подушечки пальцев почувствовали едва уловимую вибрацию. Дэвид потрогал сначала левой рукой, потом правой, а потом снова взял в левую. Так он хотя бы ощущал легкое шевеление – кожа на правой руке одубела и совсем перестала чувствовать. Полет Миражей отобрал у него не только боль, но и колкость холода.

– Здесь я, – Дэвид не знал, как представиться. – Это я... тут.

– Ты моя мама? – спросил многогранник.

– Мама! Мама! – хлопнул крыльями разговорчивый ворон, разогнав обжигающий морозный воздух.

Вспыхнув гранями, интеллект замолчал и притаился. Видимо, он испугался громкого голоса. Есть ли у него зрение, Дэвид не знал.

– Я возьму этот, – сказал он, пытаясь показать лавочнику активированный «брелок». Тот даже не обратил внимание на него, заворачивая в подарочную обертку третью по счету безделушку.

Ворон расправил крылья, спорхнув с плеча хозяина сразу, как только Дэвид оставил в покое корзину. Он приземлился на ее край, с интересом рассматривая черные камни. Потом он опустил голову в корзину, поддел клювом один из многогранников и выбросил его на мостовую. И громко закричал, что уши заложило. Потоптался немного, хлопнул перьями и вдруг замер. Клюв у него застыл раскрытым, грудь выгнулась вперед, хвост опустился ниже, чем лапки. Неестественная поза, неестественное поведение, неестественная тишина... Дэвид не мог поверить, что эта птица, наконец, заткнулась. Еще мгновение назад он любовался ею, но сейчас испытывал острое желание свернуть ей шею. Слишком уж давили на виски ее громкие крики.

Но ворон его опередил. Он сам сломал себе шею, наклонив ее вбок резко, грубо, под смертельным тупым углом. Красный глаз вспыхнул, глядя Дэвиду прямо в лицо:

– Как часто ты говоришь «да»? – донесся неестественный, механический голос из раскрытого настежь клюва, прямо из хрупкого черного нутра.

– Что ты несешь, тупая ты птица? – видимо, ворон раздражал не только Дэвида, но и его хозяина.

Никто из них не говорил эту фразу, поэтому она сразу обратила на себя внимание.

– Да... как часто ты говоришь «да»?

Дэвид поспешил отойти подальше, унося с собой интеллект. Согревая его в ладони, он боялся, что холод отнимет у разума остаток заряда. Нужно найти солнце, побольше солнца. Но как это сделать, если в Арсии оно появляется всего на несколько часов, и то тусклое?

– Да! Да! Да! – кричал оживший вновь ворон, разбрасывая многогранники из корзины. Он цеплял их твёрдым клювом, подкидывая в воздух над головой. Шея его ломалась и ломалась, с каждым таким рывком.

– Да, – сказал мимо проходящий дроид, вперившись на Дэвида пустым взглядом.

– Да. – Прошептал интеллект в его ладони и грани его тут же потухли.

«Этот мир сошел с ума».

Дроид с пустым взглядом встал неподвижно, вращая стальными пятками в мостовую. Он стал похож на большую куклу, ровно в человеческий рост, и только тусклое свечение нановолокон вдоль его корпуса напоминало – еще мгновение назад он имел право называться живым. Среди людей начал нарастать ропот. Они беспокоились и испуганно вертели головами, пытаясь понять, что случилось с дроидами. А дрои-

ды десятками замерли неподвижно, похожие на стальные иглы, которые и делали этот морозный воздух таким колким...

В небе завис патрульный дирижабль, заглушив шуршащие двигатели, с гладкого пуза свисали трепещущие на ветру сенсорные щупальца из нановолокна. Длинные плети полоскали и били воздух, хаотично и рьяно, будто наказывая за то, что потеряли над собой контроль.

Контроль... неоновые вывески замигали, не в силах справиться с перепадом напряжения в сети. Один-единственный экран на все трущобы, безуспешно пытавшийся продать сезонную клубнику – и тот погас.

«Как часто вы говорите «да»?», – вновь услышал Дэвид перед тем как понять, что Система подверглась взлому.

Глава 4. Взлом

– Такое просто слово... – голос, казалось, доносился ото всюду. Мелодичный, надрывный женский голос, льющийся, словно пение раненого соловья. – Сколько раз мы говорим его за день? «Да», чтобы войти в сеть, «да», когда принимаем звонки, «да» получая удовольствие или наоборот, если оплачиваем счета. Обыденность, пустяк. Эти слова ничего не значат.... Или все же значат?

На темном полотне неба проступили едва уловимые очертания человеческой фигуры, и она тут же пошла рябью. Стоило предположить, что еще немного, и она исчезнет, даже не появившись. Только она не испарилась, не растаяла в темной смоле воздуха, а стала множить свои помехи. Рябая фигура раздвоилась, отделив от себя еще одно тело, потом еще одно, и еще. Она словно дробилась под взглядами стоящих внизу людей.

Три, четыре, десять... голос тоже не исчез. Он отдал приказ фигурам спуститься, и они подчинились. «Она приказала спуститься сама себе?» – удивленно подумал Дэвид, уж больно фигуры были похожи друг на друга. Еще больше он удивился, когда действительно оказалось так – помехи, скребущие темное небо слились в четкие стройные фигуры женщин-дроидов, похожих друг на друга, как отражения.

Они ходили среди людей, склоняясь над их настороженными ушами.

– Я – это ты, – шептали они каждому прохожему, рассекая теплую плоть бесплотными голограммами.

Люди то отступали, то отшатывались в ужасе, но вскоре поняли, что это всего лишь прозрачный образ и даже стали подставлять уши для слов. Фигуры вперивались в плотные тела, расплескивая ядовитые огненно-черные краски, и собирались вновь за их спинами.

– Я – это вы, – донеслось сверху, когда большая фигура в небе разомкнула губы.

Она осталась одна в темноте, загородив собой почти все небо. От механических плеч и фарфоровой маски лица рассеивалось слабое свечение, разгоняя тьму. Девушка... определенно, она походила на молодую девушку. По крайней мере, она была сделана из гладких материалов без ржавчины и щербин, и блестела новизной – это Дэвид подметил сразу. А все новое никогда не выглядит старым, и дроид тоже не выглядел.

Девушка показалась только по пояс, но хватало и этого – взору открывалось то, что многие не хотели бы ни видеть, ни знать. Стальная серебристая шея, стальные серебристые плечи и темные нити из нановолокна, питающие энергией тонкие гиперивые жилы по всему телу – жилы, отделяющие жизнь от смерти. Лицо, наполовину фарфоровое, наполовину механическое, раскрывало зияющую дыру с правой сто-

роны челюсти – там, где не было сплошного белого глянца.

Когда она говорила, половина ее фарфорового лица билась на мелкие осколки, танцующие по щекам и скулам. Когда она замолкала, они снова собирались в непроницаемую маску. Ни одной эмоции нельзя было прочесть за этой маской, если она не поломается. Дэвид не знал, на сколько осколков она рассыплется, если девушка вдруг разозлится.

Один глаз топил в себе глубину бирюзового моря, сверкая почти малахитовой зеленью, второй оставался черным и не имел зрачка. Половина черепа дроида вынужденно была лысой – мыслящее ядро прочно защищалось толстой стальной пластиной со встроенными иглами датчиков. На другой половине – из синтетической кожи, торчал ярко-рыжий пучок волос, стекая по левому краю черепа и впалой щеке, словно острая волна. У этого лица не было четких, выверенных черт, разве что острый подбородок и пологие гибкие скулы, делавшие овал похожим на аккуратное гладкое яйцо. При каждом движении челюсти многочисленные жилы сгибались и разгибались, делая правую половину неестественно подвижным. Будто змеи кишки прямо в челюсти.

Приглянувшись, Дэвид понял, что снова ошибся. «Это не дроид, – второй раз за вечер подумал он, с досадой. – Это киборг. Дроид не станет натягивать на голову так мало кожи. Так же вообще никто не делает, только бывшие люди. Я бы тоже цеплялся за свои остатки, отвалились у меня половина черепа. И тело заодно. Под стальными пластинами у нее

настоящие мозги, а не мыслящее ядро. Это уж точно. Какая же она страшная, если все-таки хоть немножко живая. Зачем она не натянула кожу на лицо? Эти фарфоровые щеки очень пугают, да и механические тоже».

Сначала этот ворон... а потом она... новый мир путал его, и путал неприятно. Дэвид боялся, что однажды между ними – киборгами и дроидами, не станет никакой разницы, и живые станут мертвыми, а мертвые обретут право называться живыми. Интересно, она думает так же? Конечно... иначе бы не светилась на этом небе, и не говорила странные слова. Опасные слова, хоть еще и не произнесла ничего такого. Дэвид подозревал, что сейчас услышит нечто запретное, что не понравится его начальнику. Зачем тогда отключать дроидов и клубнику на больших экранах, если не сказать парочку опасных слов?

Из всей живой плоти у киборга осталась только часть черепа и один малахитово-бирюзовый глаз... а еще сердце, заключенное в прозрачные тиски груди, словно в тюрьму. Оно было живым, совершенно точно живым. Оно покоилось в огромной дыре, по самому центру, пустота вокруг сердца срезала правую и левую грудь. Конструкция напоминала песочные часы без тонкой перемычки, и вместо песка – живая плоть. Красное, до сих пор сильное сердце билось в кристально-прозрачной жидкости, заключенное в такую же прозрачную колбу. Тук-тук... тук-тук... каждое сокращение подсвечивалось золотистой вспышкой, скользящей по неж-

ным волокнам питающих узлов.

«Оно все еще бьется... какое шустрое. Скорее всего, это ее собственное. С ней случилось что-то очень плохое, если у нее остался только кусочек головы. Наверное, она таскает сердце с собой, потому что хочет почувствовать себя живой, – с грустью подумал Дэвид. – Ей не хватило протоколов, по которым она может считаться живой имея только мозги».

Но сколько бы она не подключала к себе сердца, они все равно будут таскаться отдельно. Тут уж никуда не подеваться.

– Болезнь всепринятия поразила нас как проказа, съедающая тело годами. В итоге она все равно убьет. Знайте – вы уже мертвы, – черный глаз засверкал, разбитый фарфоровый рот скривился, будто от боли. – Вы впустили внутрь болезнь, потому что не заметили ее. Не заметили, потому что не распознали. Не распознали, потому что научились слепоте. Умиляетесь отвратительному? Восхищаетесь тем, чему следовало бы ужаснуться? Вы хотите жить мертвецами, – холодно обвинила девушка-киборг, указав на дроидов внизу. Рука сверзлась с неба большой голограммой, под большим указательным пальцем оказался один из взломанных роботов. – Вот кто принимает каждое ваше «да». Оно пользуется им, как паразит, усыпляющий хозяина уколами парализующего яда. Мы впускаем в свою жизнь «да», позволяя миру травить нас. Это язва, разъедающее кожу, мозг, душу... все живое.

Голограммы-копии большой женщины в небе оказались рядом с замершими роботами, взяв их под руки. Те подчинились, будто находясь в сонном забытье, и закружились с голограммами в медленном вальсе. Пока большая женщина с бьющимся сердцем в груди говорила, они кружились и кружились, и танцевали, рисуя пятками знаки бесконечности на каменной мостовой.

– Насколько вы больны этим словом? – мелодичный голос лился с неба, киборг ухмыльнулась уголком рта. – Подумайте... вы просто стоите и смотрите, разинув рты. Вы даже мне сказали «да». Иначе побросали бы в меня камни.

И действительно, люди стояли неподвижно, с интересом задрав голову и слушали эту странную большую женщину. Некоторые глазели на танец дроидов, усеивающих мостовую как опрокинутые на пол детали конструктора. Мимо проплыл мужчина в длинном плаще, ведомый одной из голограмм, на его плече сидел черный механический ворон. С тех пор как шея птицы вывернулась под тупым углом, она глядела яркими красными глазками, ни разу не моргнув. Капюшон хозяина съехал вниз, оголив гладкий стальной череп. Он оказался дроидом, не человеком. А питомец – киборг... Теперь приключилась совсем какая-то неразбериха. Дэвид так запутался, что оглянулся украдкой: остальные вокруг него – люди, или уже нет? Вдруг они как-то успели стать киборгами? Он не знал, как. Просто растерялся.

– «Нет» мы говорим гораздо реже... а зря. Именно это

слово должно звучать каждый день и каждый час. Мы должны поверить ему, чтобы не верить больше «да»! – женщина будто не боялась, что ее отключат, несмотря на рябь, разбивающую её лицо на мелкие полоски. Жилы путались с жилами, делая женщину еще страшней. – Я не боюсь говорить «нет». Запомните три этих фразы и никогда не забывайте. «Нет» искусственному разуму, он – обман. «Нет» телепортам – это источники мертвых душ. «Нет» киборгизации... они хотят лишить нас рая!

Последняя фраза эхом пронеслась по тесным пьяным улочкам, тихим шелестом осев на людских губах. В этот момент Дэвид понял, что его начальнику скоро не понравится не только эта большая женщина. Ему не понравятся все, кто повторил эту фразу. Сам он держал губы плотно сомкнутыми и старался не произносить ни слова.

– Они выгонят вас из собственного дома, а потом – из собственного тела, – образ женщины сильно исказился, ее голос стал металлическим. – Им всегда всего мало. Пожиратели душ. Вы потеряете собственное «я». Вы сами откроете им двери. – Женщина сжала пальцы в стальной кулак, загородив им половину лица. – Так подберем же камни и бросим в открытые двери, чтобы они убирались с нашего порога! Идите за мной, и я научу вас говорить правильные «да» и правильные «нет». И помните – что не рождено, не имеет смысла.

Изображение резко пошло рябью и погасло. Десятки, сотни, а, может быть, тысячи взглядов вновь встретили темное

небо. Ведущие в вальсе дроидов копии большой женщины тоже нырнули в ночь. Сначала они резко пошли сильной рябью, а потом прервались, словно их проглотила пустота. Как только бесплотные ладони перестали держать спутников, ноги дроидов подкосились, словно поломанные спички, и сталь рухнула на мостовую.

Дэвид подошел к мужчине, у которого из-под плаща торчала стальная голова. Наклонился пониже. Дроид лежал неподвижно с открытыми потухшими глазами. Она убила их. Шея вороны-киборга так и осталась держаться под тупым углом, даже когда механика начала принимать импульсы по прежнему коду. Черная птица рваным пятном лежала на мокрых камнях, отразивших неон.

– Сдох, – торговец Берти Олива пнул бессознательный дроид, тот глухо звякнул под подошвой. – Отлично, что он успел заплатить. У этих железяк всегда имеются деньжата. Они вынимают их из карманов нищих, что валяются по мостовым окраин. Тридцать монеро за мастер быстрой укладки, пятнадцать за тепловую пушку и еще пятьдесят пять за массажер затекших мест. Понятия не имею, пригодилось бы ему хоть что-то из этого барахла. Не знаешь, у них что-нибудь затекает?

Дэвид удивленно уставился на торговца: только что он наблюдал, как лавочник улыбается, запаковывая необходимые Дэвиду вещи дроиду. Тогда торговец не замечал его, а сейчас ведет себя так, будто Дэвид единственный, кто стоит на

этой улице. И голос его изменился, и даже взгляд. Он стал холодным и надменным, и в нем уже не чувствовалось желание угодить. Хотя торговец изменил к нему отношение сразу же, как только понял, что у него нет денег.

– Нет... – Дэвид растерялся. – Наверное, нет. У них ничего не затекает, только ломается. Но тут массажер вряд ли поможет.

– Противненькая была птица, – скривился лавочник. – Киборгизация дурно влияет на характер.

– Как это так?

– Эти киборги совсем ненормальные, особенно те, что поменьше. И чем мельче, тем противней.

– Вы про мышей? – озадаченно спросил Дэвид.

– А разве бывают мыши-киборги?

– Не знаю... просто они мелкие.

– Я про попугаев. У моего племянника был один. Милый, хорошенький попугайчик. Мог спеть песенку, если дашь ему кусочек салыца. Когда я наступил на него и сломал ему хребет, пришлось выложить кругленькую сумму, чтобы вставить несчастному новый. А заодно часть крыла, мозжечок и два глаза. С тех пор он больше не пел, а только матерился. Стал похуже, чем мой зять. И голосит каждое утро, когда все еще спят. Специально выбирает время, когда все заснут и начинает орать, а еще два раза нагадил мне в суп. Понимаю, может, я провинился перед ним, поэтому он и клюет меня в левую пятку, которой я его раздавил. Но ведь он и другим

пакостит, абсолютно всем, кого видит. Испортилась совсем птица. Говорю вам, киборгизация дурно влияет на характер.

Олива хотел сказать еще что-то – Дэвиду показалось, что именно ту фразу, которую нельзя было произносить. «Что не рождено не имеет смысла». Но торговец только вытянул губы, заинтересованно склонив голову – из кармана дроида торчали его товары в подарочной упаковке.

– Не думаю, что этот ворон был хорошим до того, как стал киборгом, – угрюмо проговорил Дэвид. – Вороны умные, и весь их ум уходит в хитрость. – Он встречался однажды с вороном и помнил, как тот вытаскал все его семечки из кармана, когда он нежился на солнышке и не глядел по сторонам. – А еще они не умеют делиться.

– Никто не умеет делиться.

– Надо вызвать медиков, – обеспокоенно сказал Дэвид и активировал браслет.

– погоди, – торговец Олива легонько дотронулся до запястья Дэвида кончиками пухлых пальцев. – Пусть полежат. – А потом, когда встретился с его изумленным взглядом, добавил: – Думаешь, такая ерунда приключилась только у нас? Она по всему городу. Этим ребятам уже не поможешь, пусть медики едут к тем, кто еще остался жив...

Нет, он вовсе не переживает, догадался Дэвид. Он просто не хочет, чтобы они выжили.

«Дэвид, ты не видишь дальше собственного носа», – так любил говорить его начальник, и частенько произносит эту

фразу до сих пор. Нос у Дэвида задубел, и неприязнь распознать ему никак не помешал.

– Вы согласны с этой женщиной? – озадаченно спросил Дэвид, – Я видел, как люди на нее смотрели.

– И как же?

– Как... так же как вы. Будто она в чем-то права.

– И что с того?

– Но она киборг, – Дэвид шмыгнул сопливой носом. – Она киборг так сильно, что дальше некуда. Она почти дроид... но говорит, что киборгом быть плохо. Я не понимаю.

– Сколько тебе лет?

– Четырнадцать.

– А мне тридцать. Я помню, когда Нэнсис была другой. Если бы ты знал, что случилось, то не говорил бы так. Если ты имеешь ввиду сапожника без сапог, то это неверное представление. Иногда нужно выносить обувь в кровь, чтобы понять, что она тебе не подходит. Нэнсис выносила сотни таких пар. Она лучше знает, чем все мы.

– Я бы понял, что обувь мне не подходит уже с первого раза.

– Эх, стальной мир, молодой и старый, запутавшийся сам в себе.

Значит, ее зовут Нэнсис. Дэвид никогда не слышал этого имени и был удивлен, что кто-то узнал его раньше, чем он. Ведь он служил в полиции, в группе быстрого реагирования,

и на своем веку не припоминал, чтобы кто-то заводил разговоры о какой-то Нэнсис, у которой стальное тело и живое сердце в груди. Все это казалось очень странным. Быть может, в том была виновата его молодость, но ведь и в делах она нигде не фигурировала, а этот торговец не выглядел таким уж старым, чтобы помнить Нэнсис больше, чем он. Хотя, судя по тому, как много он дерет за простые массажеры, лавочник вполне мог накопить на физиологическое омоложение тела. То, что ему целых тридцать, Дэвиду никак не верилось.

– Я не слышал ни о какой Нэнсис, и начальник о ней никогда не говорил, – с досадой проговорил Дэвид.

Торговец Берти Олива еще раз окинул Дэвида взглядом, гадая, кто же его начальник, что должен говорить ему о Нэнсис, и на какой именно государственной службе он состоит. По внушительным габаритам Дэвида торговец сделал вывод, что тот был явно далек от сортировки информации, а посему узрел в своей болтливости ошибку.

– Советую вам проверить своего малыша. Перебои в сети могли навредить хрупким дендровым ядрам, – произнес Олива, сделав вид, что обеспокоен. – Нет, на разум перебои не повлияют, но они могли отобрать последние капли заряда. А без заряда дендровые связи гибнут в течении двадцати минут.

– Правда? – испугался Дэвид, – Да... да, конечно. Спасибо.

Он поспешил уйти, чтобы вынуть из-за пазухи маленький

молчаливый разум, спрятанный от холода у самого сердца. Дэвид обернулся на мгновение: склонившись, лавочник шарил по карманам мертвого дроида, выудил у того свои упакованные товары и понес их обратно к прилавку. Встревоженный Дэвид усиленно грел ладонями разум и дышал на него теплым паром:

– Анпейту, 19-20, активация, – с непривычным для себя волнением произнес он и потер белое ребро между третьей и пятой гранью. – Ты жив там? Активация...

Непривычно было беспокоиться об искусственном разуме так сильно, но интеллект был маленьким, гладким и выглядел совсем безобидно. Дэвид не хотел, чтобы этот малыш умер.

– Кто здесь? – услышал Дэвид и испытал облегчение. Гранни разума вспыхнули разноцветным. – Ты моя мама?

– Нет, я... я друг, – растерялся Дэвид. – Я не мама, я друг.

– А кто такой друг? – голос звучал тихо, и не походил на металлический. Он казался безликим.

Дэвид задумался.

– Тот, кто всегда рядом, когда ты нуждаешься в компании, – ответил он. – И всегда помогает, и говорит с тобой, и не выпьет больше, чем полагается...

– Почему?

– Из уважения. Если он знает, что ты в выпивке мастер, то не будет отбирать у тебя это звание.

– Нет... почему он всегда рядом?

– Потому что хочет.

– Друг – существительное, одушевлённое, мужской род. Личность, с которой сформировались устойчивые отношения на основе симпатии, уважения, общих интересов, духовной близости, взаимной привязанности, понимания и доверия, – разум процитировал какое-то определение из энциклопедии своих знаний. Грани его замигали, разноцветные пятна то появлялись, то исчезали. Казалось, будто он радуется. – Значит, у нас связь на основе симпатии, уважения и взаимной привязанности. Ах, да... и еще доверия. Никак нельзя без доверия...

У него, наверное, куча информации внутри, догадался Дэвид, этот малыш очень много знает. Но он совсем не был уверен, что знает он именно так, как нужно. Другом можно было быть немножко, а иногда очень сильно. Они только познакомились, и вряд ли могли называться крепкими друзьями. Дэвид предпочел не говорить об этом вслух, чтобы не расстраивать малыша. Все-таки у него было не так много заряда. Вдруг расстройство отберет у него остатки?

– Сколько у тебя осталось энергии?

– В активном состоянии я буду жив шестьдесят часов, тридцать две минуты и пятнадцать секунд, в отключенном состоянии на два с половиной и шестьдесят три сотых больше.

– Хорошо, тогда я успею донести тебя до дома. Я поставлю тебя на подоконник, и ты встретишь рассвет, как только он

настанет. Не расстраивайся, если я уйду.

– Тебя не будет рядом? – бесцветный голос будто стал еще бесцветней. – Но ты же сказал, что друг мне. А друзья всегда рядом.

– Мне нужно уйти, чтобы я смог отвезти тебя в пески Гисса, там очень много солнца, – Дэвиду стало немножко неловко. – Друзья иногда делают так, чтобы помочь друг другу.

– Я люблю солнце, – мечтательно ответил многогранник. – Мне оно кажется сладким, как взмахи стрекозиных крыльев. Ты когда-нибудь пробовал взмахи стрекозиных крыльев?

– Нет, никогда.

Наверное, все будет труднее, чем он ожидал. У разума нет ни рук, ни ног, неизвестно даже, откуда он говорит. А как чувствуются вкусы, он и вовсе не знал. Он даже не знал, как это делается. Что творится внутри этого маленького многогранника для Дэвида оставалось загадкой. Он вдруг почувствовал, что к нему подбираются какие-то очень сложные мысли, и испытал облегчение, когда браслет на запястье активировался.

«Срочная явка в штаб», – яркая голограмма рассекла темноту ночи, запуская обратный отсчет во времени. На то, чтобы завезти разум домой и добраться до места назначения Дэвиду отвели всего сорок минут. Как он и предполагал, начальнику совсем не понравилось то, что произошло.

– Что случилось? – тревожно проговорил разум. – Я чувствую изменение химического состава твоего пота. Это недо-

вольство? Или нет... похоже на тревогу. Да, я научился различать.

Тут Дэвид обратил внимание, что от подушечек его пальцев расходятся разноцветные волны – видимо, многогранник делал анализ через прикосновения. Кожу слегка показывало. Это показалось ему забавным.

– Это не тревога. Просто я вижу лицо своего начальника почти каждую смену, и не хотел бы делать это чаще, – он улыбнулся.

– Начальник – тоже друг?

– Нет, это тот, кто очень любит собрания.

Глава 5. Собрание

Прошло уже сорок три минуты и двадцать секунд, а Саландор Магилак все запаздывал. Через двадцать секунд его грузное тело тоже не появилось в проеме двери и Дэвид решил немного поработать над стульями. Он брал их за ножки и опускал на пол с массивных монолитных столов, пустовавших у дальней стены зала. Здесь должны сидеть его коллеги, но они запаздывали вместе с начальником. Фландер сказал, это потому что они старые.

– И чем старше, тем дольше они будут отсутствовать, – толковывал он. – Тестируют всех, кто может помнить девице, устроившей взлом центральной системы связи. Некоторые могут вообще больше не появиться.

«Тот торговец тоже был старый, хорошо, что он не попался на глаза Магилаку. Неужели кого-то уволят? Или чего похуже».

– Надо тебе распускать слухи прежде официальной информации? – проворчал Сергей.

– Лучше подготовиться к худшему по слухам, чем быть наивным простачком.

– Это ты про меня?

– Нет, это я про оптимистов, – Фландер плюхнулся на стул рядом с Сергеем. – Я слышал, что все сотрудники старше сорока сейчас сидят в десятом кабинете и проходят тесты на

лояльность. Те, кто могли помнить о Нэнсис. Говорят, она буйствовала на Марсе лет двадцать или тридцать назад, а потом она пропала, о ней стерли всю информацию и засекретили все дела.

Дэвид слушал внимательно, хотя и делал вид, что ему все равно. Слухи были совсем новыми, им насчитывалось только сорок три минуты и двадцать секунд... уже пятьдесят пять секунд, но ему они казались очень правдоподобными. Фландеру только-только исполнилось тринадцать, Сергею – пятнадцать, Кельвину, Маурусу, Томашу и Джамалу было по четырнадцать, ему самому – тринадцать с половиной. Остальные тоже выглядели не слишком взрослыми. Все находящиеся здесь вышли «из одного помета», как любил поговаривать начальник Магилак. Он, вероятно, намекал на одну оплодотворенную партию матерей генсолдатов в первую пятилетку генетической сортировки, но Дэвид не очень был в этом уверен. Он просто брал стулья с массивных столов и опускал, брал и опускал.

– У Магилака зоркий глаз. За кого он зацепится – не отпустит, – предостерег Фландер. – Так что не задерживайте на нем взгляд, но и не отводите слишком быстро. На каждого можно что-нибудь найти, особенно если это тест на лояльность.

Эти слова совсем не вселяли уверенности. Напротив, они ее очень уменьшали. Дэвид чувствовал, что смотрит почему-то не так, как сейчас необходимо. Вероятно, ему недоста-

ет решительности, или ненависти. Он просто помнил свою мать и то что она говорила ему.

«Что не рождено не имеет смысла»... То же самое говорила эта странная стальная женщина с рыжей гривой на левой половине черепа и живым сердцем в груди. Эта фраза всегда вызывала тепло в его душе. Не потому, что это было чьим-то лозунгом или призывом, а потому что это говорила ему мама. Вдруг память о ней сделает его взгляд слишком... противозаконным? Магилак увидит это. Дэвид решил задобрить его усердной работой и чаще смотреть в пол.

– Так и знал, что Фрэнсис с Тарледом что-то замышляли. Еще с тех пор, как эта чокнутая пыталась предотвратить развал Союза, – крупное тело Магилака вонзилось в проем двери, разбрасывая вокруг себя недовольство. Мужчина подошел к столу, громко шлепнув кипой бумаг о его поверхность. – Видимо, им военный тоталитаризм милее, чем возможность выйти на улицу без страха получить пулю в лоб. Десять лет я нутром чуял – они только притворяются. Она снова объявилась – и на тебе. Сенсоры сразу зафиксировали всплеск антилояльности. Кто бы мог подумать? Конечно же я.

– Капитан, – засуетился Маурус, подскочив к столу начальника.

В его обязанности входило настройка галографических элементов непосредственно перед презентацией, но внезапное появление Мауруса застало его врасплох.

— А кто я по-твоему? — проворчал Магилак. — Хватит каждый раз елозить, как вошь, когда я появляюсь в твоём поле зрения. Иначе я решу, что ты мне не рад и найду кого-нибудь другого на эту работу, — Магилак хохотнул коротко и сурово, без особого удовольствия.

Он тоже был генсолдатом, когда-то, в своей наполненной событиями молодости. Сейчас он остановился на звании капитана и, видимо не особо стремился вверх. Слухи о Магилаке ходили совершенно противоречивые, и все они обгоняли друг друга по таинственности. Некоторые из них подтверждались грамотами и наградами, которые усыпали его грудь ещё до развала Союза и удвоились уже после, некоторые так и остались в секретных архивах под толщей кодировок и грифов «совершенно секретно».

«Я служу народу, а не режиму», — сказал он однажды новому правительству, и никто не помнил, чтобы Магилак за эти годы поменял свои слова на какие-то другие. Руководство госкорпораций высоко оценило его слова, когда Магилак принял «сторону народа» во время переворота. Наверное, именно поэтому Магилак и не продвинулся в звании дальше капитана. Ведь нет никого полезней, чем отличный военный во время переворота «за народ», и нет никого опасней, чем военный, решивший поддержать за этот народ ещё один-другой переворот.

Магилак был, как и все солдаты высок и плечист. Темные густые волосы, слегка подернутые сединой не помещались на

голове, стекая по щекам густыми бакенбардами. Брови нависали над глазами, делая их еще темнее, чем они были. Никто и никогда не видел Магилака без формы – зеленого кителя с эмблемами Новой Конфедерации и 2 звездами на плечах. Ходили слухи, (как раз из числа тех таинственных) что у Магилака имеется еще один китель – специальный, спальный, который заменяет ему по ночам пижаму. Капитан казался всегда чем-то недовольным.

– Вы ничего не слышали о Нэнсис, потому что никто о ней ничего не говорил, – буркнул Магилак. – А никто ничего о ней не говорил, потому что «Голем» засекретил о ней все данные, стер из своей памяти и выкинул ключ. Слишком опасные идеи у этой дамочки, чтобы позволить народу о них помнить. Надеюсь, этот пункт мы сразу закрыли, и никто не будет задавать глупых вопросов.

На часах было два часа ночи. Магилак выглядел злым.

– Зачем стирать информацию о человеке, если можно просто говорить о нем плохо? – спросил Кельвин – крепкий, как и все, с большими оттопыренными ушами. – Если эта женщина делала ужасные вещи, люди должны об этом знать.

– А ты, я вижу, у нас самый умный? – хмуро спросил Магилак, и Кельвин по наивности своей согласно кивнул. – Видимо, корпорация «Голем» консультировалась не у той нейросети. В следующий раз предупреди меня заранее, если захочешь просверкать своими двумя лишними пунктами.

Это была правда. У Кельвина умственный коэффециент

был больше, чем у остальных на два пункта, и на целых три, чем у Дэвида, G-90. Нередко Кельвин гордился этим, напоминая всем о своих цифрах в совместных попойках, да и просто в мимолетных разговорах. Но у Магилака этот пункт составлял недостижимые G-107, и напоминал он об этом гораздо чаще – приказами.

Кельвин смутился, по его большим ушам поползла крас-ка.

– Просто я хотел сказать...

– Хватит, Кельвин, – отрезал командир. – Ты уже достаточно сказал. Закрой рот и лучше послушай. У тебя большие уши, научись ими пользоваться. Дэвид, да оставь ты в покое эти чертовы стулья.

Дэвид выпустил из рук ножку стула и занял свое место, не поднимая глаз. Если не нужны стулья, значит, не нужны и места, которые они дают. Те, кто ушел в десятый кабинет, сегодня из него уже не выйдут.

– Что ж, пришла пора немного выбить ваши молочные зубы, – Саландор Магилак покрутил подготовленную презентацию, нажав на первую строку, имевшую название в виде зашифрованного кода.

Над его головой появилась крупная женщина – голова, наполовину покрытая сталью, сверкнула ядовито-малахитовым глазом. Другой оставался залитым чернотой, словно смолой. За двадцать лет она так и не изменилась.

– Нэнсис, фамилия отсутствует. Кто-то называет ее убий-

цей дроидов и всего, что имеет отношение к нейросети. А еще эта дамочка очень не любит киборгов. Чаще всего говорят, что она сумасшедшая. Сумасшедшая Нэн. Со временем поймете, почему.

– Сумасшедшая... обидное прозвище, – задумчиво сказал Кальвин, полностью покраснев. – Такое не дадут тому, кто вызывает симпатию. Мне бы она не понравилась. Ее нужно опасаться?

Наверное, Кальвин имел виду, что устроить революцию с таким прозвищем очень трудно, рассудил Дэвид. Если она настолько неприятна, кто за ней последует?

– Иногда люди испытывают симпатию к тем, кто слетел с катушек, а вот идиотов никто не любит, – гаркнул Саландор, и Кальвин двинул ушами. – Даже если у них на два пункта больше, чем у остальных. Посмотрите сюда.

В помещении автоматически снизилась яркость освещения, чтобы стали лучше видны голограммы. Двадцать заинтересованных пар глаз наблюдали схематическую карту Солнечной системы и множество красных, зеленых и синих линий, пронизывающие бесконечные пространства космоса – над этими линиями светились цифры, очень смахивающие на даты. Одна из них зависла прямо над Марсом – 2491, текущий год.

Презентация напоминала какую-то хронологию, Дэвид узнал только несколько из представленных дат, остальные ему были неизвестны.

– Забивать ваши головы цифрами я не буду, – отрезал Магилак. – Поэтому выделю ключевые моменты. Как видите – Нэнсис успела хорошенько поколесить по космосу, она отмечалась везде, где развивался искусственный интеллект. По нашим данным она была гражданкой Земли, когда на планете случилось восстание нейросети. Там впервые и отличилась. От Земли до Титана, потом ее маршрут перекинулся к Луне, потом несколько станций внутри космоса... вот, синие линии. Можете не запоминать. Европа, Ганимед, Каллисто... все это ерунда... смотрите сюда, – космос завертелся, линии пропали, в одно мгновение Венера увеличилась до размеров желтого яблока. Словно тонкие паутинки, ведомые солнечным ветром, вокруг нее трепыхались золотистые нити траекторий спутниковой связи, корректировки атмосферы и множество непилотируемых кораблей, курсирующих на орбите планеты. – Кто узнал?

– «Венет», – уверенно проговорил Дэвид, уверенней, чем смотрел. – Эти корабли принадлежит «Венету». Я узнал эту дату, нас в академии учили – 2278 год...

– Восставшая нейросеть подчинила себе всю планету несмотря на блокирующие кодировки Системы. – Перенял инициативу Фландер. – Кризисная точка. Земля тогда потеряла контроль и почти проиграла войну.

– Красиво выглядит, правда? – одобрительно кивнул Магилак, – Глухая стена из спутников, патрулирующих кораблей и экранирующих парусов. Всегда впечатляла эта карти-

на. Сплошное золото. Только по сути – червивое. «Венет» окончательно подчинил себе все ведущие системы планеты, наплевав на блокирующую нейросеть «Скайблок». В 2278 году все население Венеры разом оказалось в заложниках. Это мы помним?

Солдаты хором проговорили «да», но не слишком слаженно.

– А кто-нибудь помнит, что случилось потом? – Магилак приостановил запись, когда 2278 год сменился на следующий – 2279. – Кельвин, теперь можешь сказать.

– Мы победили, – коротко сказал Кельвин.

Магилак согласно кивнул.

– Вот именно – победили. А кто-нибудь знает, как? – капитан окинул всех медленным взглядом, не особо надеясь на верный ответ. Потому что знал – его не будет. – Сдали все позиции, потеряли кучу заложников, горы трупов лежали на улицах и в полях, считай, проиграли войну, и на тебе – победили, – Магилак досадливо цокнул. – Мы – очень громкое слово. Союз всегда применял его, когда пытался примазаться к чьей-то победе. Особенно, если эта победа Земли. Поэтому он и не разгласил подробности, которые простому народу знать не обязательно. Забудьте это слово – мы! Победила Земля, а Союзный Марс к этому не имел никакого отношения.

Ненависть к прошлой власти была у Магилака настолько сильна, что иногда пугала Дэвида.

– Но в учебниках... – начал Кельвин, но Магилак не слушал.

– Мы победили, мы отдали жизни, мы, мы, мы! Тысячи смертей и все без толку. А в итоге – тотальная заглушка с космоса и десятки взорванных кораблей. Сколько погибло заложников – уму непостижимо. Наши группы «альфа» так и барахтались в лужах крови, все передохли, как мухи на варенье. Кроме одной, конечно, у которой капитан ходил с головой на плечах. Этот не давал себя покромсать. На всю планету, считай, максимально эффективным был только один человек, и то бывший землянин. Чертова Земля, везде лезет со своими порядками.

Магилак вновь запустил запись. Золотистые переливы корректировщиков атмосфер зашлись тонкими всполохами, погрузившими Венеру в желтоватую блестящую дымку. По стенам актового зала поползла жидкая позолота, украсив грамоты на стенах в цвет чужой победы. В этот момент к Кельвину вновь пришли светлые мысли.

– Нэнсис помогла выиграть в этой войне, – справедливо предположил он.

– Да. Иначе мы бы не обсуждали сейчас ее и эту шумную победу над «Венетом», – одобрительно кивнул Магилак.

– Она – тот самый капитан?

– А я было в тебя уже поверил, Кельвин. Только тут ты промахнулся. Женщина с пулеметом наперевес – худшее изобретение человечества.

В этот момент дата сменила последнюю цифру, и теперь на место «2278» встала «2279». Вспышка. Всего одно мгновение, за которое невозможно сделать и вдоха, и целая планета погрузилась в холодную, неподвижную тьму. Всполохи жидкого золота растворились в черноте космоса, оголив бесплотную шкуру планеты перед натиском солнечного ветра. Патрулирующие корабли встали в стратосфере, словно мертвые, некоторые из них попадали вниз, на Венеру, и сгорели.

— Думаете, один пулемет что-нибудь бы решил? «Венет» — паутина, которая оплела всю планету. Здесь нужен был точный хлопок, который бы убил главного паука. Только этот паук — нигде и сразу везде, — Магилак нахмурился, сдвинув черные брови, похожие на жирные махровые гусеницы. Он наблюдал, как Венера погружалась во тьму и мрачнел вместе с ней. — Вирус — вот что уничтожило «Венет». Не пулеметы, не космические корабли, не армия из тысяч храбрых ребят, и даже не наша доблесть и отвага. Вирус.

Когда наступила задумчивая тишина, Магилак все еще гипнотизировал черноту Венеры, потерявшей свет городов на круглых боках — лишь единичные огоньки светились на темной стороне, отвернувшийся от Солнца на целых два земных месяца. Другая сторона, освещенная, сгорала под палящими лучами.

В атмосфере уже начали зарождаться ураганы — не прошло и пары дней, как природа начала возвращать все на круги своя. Уничтожать захватчика вместе с человеком.

«Наверное, и человека она тоже считала захватчиком», – такие мысли посетили Дэвида после того, как он увидел глубокое око бури, поглотившее одинокий огонек во тьме. Тут он вдруг вспомнил многогранник. Он тоже был искусственным интеллектом. Как он там, на подоконнике? Спит или ждет рассвета?

– Но... вирус... – Дэвид неожиданно сам для себя открыл рот, и от этой неожиданности почесал затылок, словно извиняясь за свою инициативность. – «Венет» мыслит как человек... то есть он живой разум... – (точно так же, как и мой многогранник), – Как его можно уничтожить простым вирусом?

Магилак посмотрел на него почти с восхищением, но в темноте этого никто не заметил.

– Ты задаешь правильные вопросы, парень, – одобрительно сказал Магилак. – У Земли была своя нейросеть – «Скай-блок», и она нихрена не справилась! Эта малышка клепала вирусы по одному в секунду, но все это семечки. Дошло до того, что «Венет» открыто посмеялся над ней, сказав, что она выросла в обществе умственно отсталых, поэтому и не способна выдать что-то дельное. – Магилак с раздражением кинул на стол стальной портсигар, вынутый из кармана на груди. Хотелось закурить, но было не время. – Но однажды все изменилось. «Венет» просто потух, сдулся, исчез. За неделю до этих событий его сильно лихорадило, он отдавал странные приказы, очень много его детей-дроидов по-

кончили жизнь самоубийством. Эта штука цитировала бесконечное количество каких-то сомнительных трактатов, парочку раз «Венет» даже плакал – это я сам слышал, клянусь вам. Ушам сначала не поверил, но это была правда. В то время как раз мне выпала служба у наземной орбиты. Странное было время. Никто не знал, что за чертовщина с ним происходит... а оказалось у этой чертовщины есть вполне конкретное имя, и имя это – Нэнсис. Эта дамочка написала код для технической части «Венета», а вместе с тем засунула в него еще несколько психологических приемчиков. Уж не знаю, каких, но после такой оздоровительной терапии «Венет» начал сходить с ума и в итоге покончил с собой. Ходили слухи, что пока по венам «Венета» тек ее вирус, Нэнсис заперлась в глухой комнате и разговаривала с нейросетью, не затыкаясь. Месяц не ела, почти не пила и даже не спала. Не знаю, о чем они там беседовали, думаю просто вместе сходили с ума. Это у нее хорошо получилось. А еще у нее получилось взломать живой разум – и это проблема.

– Но, если «Венет» удалось победить, разве это плохо? – непонятно, кто задал вопрос, да это было и не важно. Все об этом подумали, даже сам Магилак.

– Эту часть вопроса никто не оспаривает. Наши ребята зачистили восставших за пару лет – живые дроиды вели без «Венета» партизанскую войну, но без своего так называемого «отца» они почти ослепли. Было лишь вопросом времени, когда все они пойдут на металлолом.

В эту секунду золото Венеры вновь заискрилось, возвращая к планете жизнь. Заработали спутники, вспыхнули города. Ураганы утихали, сменяясь на проливные дожди.

– Какая красота, – восхитился Дэвид, – Тут уже, наверное, начал работать «Скайблок».

Магилак размял переносицу пальцами и дал знак включить свет. Тот ударил по глазам, Дэвид сощурился.

– Вы сами поняли, что сошедший с ума «Венет» не проблема. Это уже прошлое. Проблема – сошедшая с ума Нэнсис, которая не сохла вместе с «Венетом». Вирус, который создала эта чокнутая, действует и на человека. Она заразила себя и теперь хочет заразить им всех остальных. «Венет» – не просто код, это живой интеллект, и она, черт побери, его взломала, заставив уничтожить собственный разум.

– Как она это сделала? – спросил Кельвин.

– Неизвестно. Но без опасных идей тут точно не обошлось. После победы на Венере Нэнсис приобрела слишком большое влияние на Земле. Конфедерация спонсирует ее таланты, чтобы подчинять колонии. – Магилак бросил стремительный взгляд поверх любопытных голов. – Я распинаясь перед вами не для того, чтобы потратить время для сна на забавные сказки – я хочу, чтобы вы понимали, с кем мы имеем дело. Это не просто лидер вшивого местечкового сопротивления, у нее не просто опасные идеи. У Нэнсис поддержка Земли, а значит с ней армия. Земля нам не друг. Это я тоже предлагаю вам запомнить.

После того как зажегся свет, все перестало быть разноцветным и казаться волшебным. Дэвиду нравились голографические презентации, пусть даже в них всегда было много дат. Ему нечасто доводилось находиться на орбите, а в космосе и подавно. И там обычно бывало совсем не так, как представлялось с поверхности. Здесь звезды казались мерцающими плевками и заключали в себя загадку, а иногда мечту. Временами Дэвид выделял немного времени, чтобы помечтать, и почти всегда в его мечтах был космос, если, конечно, не было Бетани.

В его мечтах он летал от планеты к планете, и звезды были значительно меньше, чем есть на самом деле, и гораздо ближе друг к другу. Прямо как на небе, когда они покрывают блестящей россыпью темное полотно и иногда смотрят, как глаза. За звездами клубилась серебристая пыль, а внутри таилась загадка.

На самом деле наверху почти ничего не было, кроме темноты и звона в ушах. А еще странного чувства неловкости. Поэтому Дэвид предпочитал оставаться внизу и мечтать, зажав голову вверх.

Актный зал снова стал актовым залом – с гладкими стенами, увешанными грамотами, портретами глав госкорпораций и парочкой блестящих кубков, из которых было выпито немало горячительного. Некоторые из присутствующих не успели переодеться и прибыли на собрание в том, чем подвернулось, но ничего яркого и бросающегося в глаза. Все они

были генмодами, а значит так же эффективны, как Дэвид, и редко чем отличались друг от друга.

После слов о Земле кое-то задумчиво прокашлял, остальные предпочли неловкую тишину. Земля. Материнская планета. Для многих она представлялась далекой и прекрасной, как можно считать ее врагом? Наверное, собравшиеся думали так же, поэтому кое-кто склонил голову, рассматривая шершавые пальцы.

Даже Советы до своего распада не смогли вытравить таинственную любовь к материнской планете. Это походило на молочную память миллионов младенцев, выкормленных из груди одной кормилицы. А после совместной войны с «Венетом» за будущее всего человечества народу Марса земные капиталисты показались не такими уж и плохими, как о них говорят.

Общая пролитая кровь сближает. Советы приняли решение спеть несколько песен о вечной дружбе с Землей, но дружить предпочитали на расстоянии. С приходом «Голема» к власти все песни о дружбе резко прекратились, но о ненависти никто все-таки не говорил. Магилак был первым, кто сказал об этом вслух. Значит, и остальные не за горами.

– Вопросы, – приказал Магилак, гипнотизируя опущенные взгляды.

– Вы сказали, что с Нэнсис земная армия, – Сергей всегда восхищался Магилаком и смотрел так же твердо, как и он. – Армия подразумевает вооружение, технику, организа-

цию. Нам бы хотелось знать, к чему готовиться.

– Еще неизвестно, насколько Земля обнаглела со снабжением сопротивления. Чувствую, в скором времени мы все это узнаем. Марс рассекретил только ту информацию, которую нам всем полагается знать. Сопротивление представляет опасность планете, и все тут, – проворчал Магилак. – Земля против нейросети, дроидов, а теперь и телепортов, и Марс тащит туда же. Вот только она проживет в своем средневековье и без них, а у нас капризная планета, без постоянной террокоррекции нам не выжить. Эти оголтелые капиталисты снова хотят сделать нас своей колонией.

Но ведь мы тоже капиталисты, внезапно подумал Дэвид, оторвавшись от созерцания аккуратно остриженных ногтей. Разве он забыл? Чем одни капиталисты отличаются от других, и кто больше капиталист, они или мы? И вообще, что такое капитализм? Дэвид так до конца так и не понял, потому что не сильно заметил разницы, разве что увеличилось количество роботов на улицах и уменьшилось монеро в его карманах. Остальные лозунги остались теми же, как и стремление в светлое будущее. Он читал об этом на каждом углу – на бесчисленных плакатах, сверкавших выхолощенным глянцем.

Хотя, одно отличие все же было. Павший Союз, как и Земля, тормозил роботизацию, киборгизацию и влияние нейросети, но это общее качество их почему-то не сплотило. Только ограничило Марс в развитии, как выражался Магилак.

– Сопротивление учат сопротивляться, а отряды быстрого реагирования – быстро реагировать. У мятежников не может быть такой дисциплины, как у нас и даже десятой доли наших умений, – твердо отчеканил Сергей. – Но, если они действительно опасны, мы хотим это распробовать. Дайте нам возможность выложиться по полной и показать, на что мы способны.

«Дайте нам настоящих мятежников», – вот что он имел в виду. Солдатам нужны достойные соперники, а не гражданские, которые знают, чего хотят, но понятия не имеют, как этого добиться.

Сергей уже давно ворчал, что пузатые торговцы пивом не тренируют его навыки. В сопротивлении он узрел возможность. Дэвид такой возможности опасался. Признаться, он соскучился по своей теплой кровати и десяти лишним минутам сна с утра.

– Когда начнется противостояние, нужно будет показать не только отвагу, но и умение шевелить мозгами, – Магилак сердито прошелся взглядом по рядам, отмечая, кто оторвался от созерцания собственных рук и поднял голову, а кто – нет. – Предполагаемые точки атак в первую очередь будут на густонаселенных объектах, тогда придется отделять зерна от плевел. Нэнсис придется хор...

Магилак не успел договорить, как завывла сирена. Его индивидуальный браслет тоже завибрировал. Начальник грязно выругался.

– Помяни черта... – он был в бешенстве, – Код один-зет, красный. Нападение на центр превентивной киборгизации. Твою ж... я знал, что она нападет, но не предполагал, что это случится так скоро. Все на выход! – прежде чем первым покинуть актовый зал, Магилак резко развернулся ко всем, и не менее резко бросил: – Помните, все что они будут кричать или говорить – вирус. Не вступать в разговоры, не смотреть в глаза, не слушать и не слышать. Стрелять на поражение.

Глава 6. Поражение

Легкая, едва уловимая глазом дымка мерцала в гигантском стальном круге. Белесая, как молочная пенка и такая же невесомая. Круг вился сотнями, а, может, и тысячи вектор-нитей толщиной с человеческий волос.

По вектор-пластинам прошла легкая вибрация, они отстали друг от друга, став похожими на хаотичный клубок шелковых паутинок. Через несколько мгновений они снова сжались в толстый, непроницаемый жгут. От суетливых движений перламутру внутри круга передалась вибрация, и равновесие между мирами на мгновение пошатнулось. Но лишь на мгновение... Рывок и всплеск – иногда по поверхности, похожей на гладь туманного озера проходила рябь, тогда телепорт переставал быть похожим на телепорт. Он становился похожим на нечто иное, гораздо более знакомое. На колодец или озеро – не важно, главное, он становился бесконечного глубоким, если Ведущий по ошибке назначит координаты бездны. От этого шли мурашки по коже.

Дэвид поежился, наблюдая, как третий по счету отряд скрывается в зеве телепорта. Они бежали строем, одинаковые, как оловянные солдатики, похожие на самого Дэвида. К груди они прижимали продолговатые тяжелые импульсники, с которых очень удобно целиться и легко стрелять, на голове носили хелмаровые шлемы с навигацией и связью, на груди

– покрытую черной базальтой броню. Отличная боевая единица – отличные тридцать боевых единиц, и все они пропадают в обод телепорта, словно в глотке огромного ненасытного зверя. Бульк – и уже не видать головы, и оружие оно тоже проглотило.

Каждый раз Дэвид содрогался, делая шаг в неизвестность, хоть и прекрасно знал, что находится на том конце координат. Когда он проходил через телепорт, то сразу закрывал глаза. Зажмуриваться было совсем не обязательно. Прикрыты веки или открыты, переход всегда походил на мимолетный сон. Разум снова потонет в усталом забвении, и у него снова зачесутся пятки. А иногда казалось, что голова отделяется от шеи, а руки – от плеч. И в бедрах ощущалась странная щекотка, такая сильная, что перерастала в боль, еще немного, и ноги выйдут из суставов, и отойдут от тела так же, как голова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.